

Евгений Луковцев

18+

Зеленый прилив

Евгений Луковцев

**Зеленый прилив**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

## **Луковцев Е.**

Зеленый прилив / Е. Луковцев — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Когда на мир обрушивается беда, многие встанут перед моральным выбором. Но не каждый сделает его осознанно. Всё будет проще. Одни впадут в панику, спасая только свою шкуру, другие пойдут по пути наименьшего сопротивления, стараясь сохранить нечто большее. Третьи озлобятся, четвертые продолжают настырно выполнять приказы, пятые... Это жизнь, у неё нет готовых решений для каждого. Для Василия, который считал свою жизнь простой и понятной, мир рухнул в один момент, когда он всего лишь отмечал с друзьями дембель. Такая привычная и "удобная" жизнь, в которой нечего бояться, летит кувырком и превращается в бойню с чудовищами. И делать выбор теперь придётся. Спасаться или спасти? Встать в строй или решать личные проблемы? Сотрудничать ли с врагом, если на кону выживание вида? Доверять ли союзнику, у которого сомнительные цели и жуткие методы? Рискнуть остановить вторжение или не вмешиваться, чтобы не погубить весь мир?

© Луковцев Е., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

# Содержание

Часть I. Зеленый прилив	6
1. Кладбище	6
2. Пригород	8
3. Рынок	9
4. Дом Маринки	11
5. Перекресток	14
6. Набережная	17
7. Мост	20
8. Лазарет	23
9. Лагерь	27
10. Штаб	32
11. Ангар	37
12. Транспорт	43
13. Подлесок	46
14. Шоссе	48
15. Фабрика	52
16. Промзона	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

*Благодарю Юрия «Juga-khan» Сахарчука за предложение написать эту книгу.*

*Спасибо Алексею Водовозову за медицинские консультации и советы по выживанию в полевых условиях, а Алексею Леонкову и Марии Шевченко – за поддержку в части тактики и вооружений. С вашей помощью даже ненаучная фантастика становится правдоподобной и реалистичной.*

## Часть I. Зеленый прилив

### 1. Кладбище

Не знаю уж, считать это везеньем или просто случайностью. Дело в том, что я видел, как появился первый из них, – и при этом я всё ещё жив. Кроме меня его видели еще трое ребят. Все они были здоровыми и крепкими молодыми парнями. Никого из них больше нет.

Началось всё, как бы банально это ни прозвучало, на окраине городского кладбища. Совсем рядом, практически за оградой. Мальчишки из пригорода устроили там небольшую футбольную площадку, вкопав прямо посреди пустыря четыре столба и натянув сетки. На дощатой скамейке у поля мы с давними приятелями и собрались посидеть в тот вечер.

Формальным поводом для встречи был мой приезд в город. Или даже нет, поводом был дембель после срочной службы, а вот причиной – приезд. Потому что эти два события сильно расстояли во времени.

Стараниями деда (ветерана мотострелковых войск в генеральском звании) служил я неподалеку, в одной из здешних же частей. Сам этого не просил, но раз уж вышло, что комбат был хорошим знакомым моего деда, то и отказываться не стал, когда предложили. Меня в принципе несложно было убедить в самых разных явлениях и действиях, если не сильно «давить».

Не знаю, что это за черта характера, объясняют ли психологи такой тип поведения, но лобовая напористая попытка покомандовать всегда вызывает у меня неприятие. А вот спокойно и рассудительно меня можно уговорить, наверное, даже с крыши с парашютом прыгнуть. Чем родственники и воспользовались, провожая меня в военкомат.

В результате родители получили душевный покой, ибо их дитяtko не уехало на остров Врангеля крутить хвосты белым медведям, а я – возможность не просто бегать в самоволку до ближайшего посёлка, как все, а раз в неделю-две полноценно смотаться домой. Тут ехать-то было всего полчаса на пригородном автобусе.

В общем, в город я наведывался. Можно сказать, и не уезжал никуда, и даже с девушкой на время службы как бы не расставался – встречались регулярно. Так что дембель особым праздником для меня не стал. Тем более, служба пришлась по душе и я рассчитывал вскоре вернуться в ту же часть по контракту, если не найду «на гражданке» занятие поинтереснее.

Так вот, после приказа о демобилизации я сначала уехал на две недели в областной центр – с приветом от комбата деду-ветерану. Затем обратно прибыл в часть и еще пару дней «пробивал» с местными кадровиками возможность заключить контракт именно здесь, а не в калмыцких степях... Короче, когда истёк уже месяц, друзья сами позвонили мне и рассказали в сдержанных, но грубых выражениях, как я плохо поступаю, не отметив с ними окончание срочной службы.

Тем же вечером мы сидели на пустыре и пили пиво, не ожидая никакой беды. Там же, на пустыре, увидели первого из них.

Сначала вдалеке что-то мерзко, с металлическим отзвуком взвизгнуло. Как будто струна большущей балалайки лопнула близко-близко под ухом. Или словно сирену гражданской обороны на старой фабрике включили и сразу выключили, не дав ей взречь в полную силу. А минут через пять сам он выскочил на нас с кладбища.

Понимаете: местность, позднее время, алкоголь... Нам могло еще и не такое привидеться. Но все-таки мы больше готовы были встретить чёрта или какого-нибудь ожившего мертвяка, чем эту шустрюю зеленую тварь чуть больше метра ростом.

Ну разумеется, мы решили, что кто-то из местных так придуривается. Может, мальчишки готовят костюм для хэллоуина. Хотя, какой хэллоуин ранней весной?

Нет, к чему выдумывать, никакой конкретики и в мыслях не было в первый момент. Мы просто не осознали, что происходит, по инерции продолжали веселиться. Жилья поблизости никакого, только гаражи да промзона, помешать мы никому не могли, так что включили переносную колонку на полную громкость, песни пели в голос и смеялись, не оглядываясь ни на чьи балконы.

Над этим зеленым чучелом, конечно, тоже начали хохотать, свистеть и махать ему руками. Он после первого же окрика заметил нас и быстро приближался. А мы продолжали, как идиоты, ржать и выкрикивать всякую язвительную ерунду в его адрес. Тогда это казалось крайне уместным и жутко остроумным.

Опомнились слишком поздно. Когда он легко пролез через решетку кладбищенской ограды, мы разглядели огромный нож, оскаленные клыки и ярко-желтые глаза. Ему оставалось еще метров десять до скамейки, у нас тогда еще было несколько секунд, чтобы унести ноги. Но мы и эти секунды упустили. Смотрели, словно остоленев, на чудище.

А оно вдруг захрипело, показав острейшие зубы, и бросилось к нам бегом. Вразвалочку, подпрыгивая на каждом шаге, словно у него суставы в бедрах разгибались вбок, а не вперед. Но при этом очень шустро для своего роста.

Страх накатил волной, мы разом вскочили. Но недостаточно быстро. Зелёный прыгнул и одним ударом ножа отрубил голову моему старому приятелю и соседу Сашке. Я, забрызганный кровью, в ужасе отпрыгнул, зацепился кроссовкой за камень и упал навзничь. Может быть, только поэтому не последовал за Сашкой.

Тварь промахнулась со вторым ударом, нацеленным в меня, но ни на секунду не остановилось, тут же бросилась на Толика. Он всё еще сидел за столом, слева от меня. Он был сильным и ловким парнем, самым сильным и самым ловким среди нас. Запросто перехватил грубое чешуйчатое запястье с ножом. А шипящий коротышка вырвал свою руку из захвата с такой легкостью, словно боролся с ребенком, а не с двухметровым чемпионом городской юниорской сборной по волейболу. Кончик клинка, похожего на тесак нашего полкового хлеботора, лишь коснулся куртки Толика, однако вспорол её, словно бритва.

Пока я поднимался на ноги, первым на помощь Толику пришел Олег. Он швырнул в морду твари пивную бутылку и тоже вцепился в руку с ножом, не давая нанести новый удар. Тогда зелёный изогнул длинную шею и впился Олегу зубами в плечо.

У монстра была, в целом, почти человеческая фигура и вполне пропорциональная голова, но на ней – вытянутая морда с сильно выпирающими челюстями, заостренная книзу. Как у бойцовского пса-бультерьера. Мелькнули два ряда острых клыков. Снова брызнула кровь, и, кажется, именно это привело меня в чувство.

Я подхватил с земли причину своего падения – кусок силикатного кирпича. И со всей силы обрушил на затылок гадёнышу. Кажется, с первого раза это не дало никакого эффекта, пришлось ударить раз шесть или семь, прежде чем тварь перестала дергаться и повалилась на землю.

– Твою ж мать, что это такое? – прохрипел Олег, прислонившись спиной к футбольным воротам, пытаясь ладонью зажать рваную рану почти у самой шеи.

– Не знаю. И знать не хочу, – ответил я. – Главное, что оно сдохло. Зажми сильнее! Сейчас придумаем, чем перетянуть. И надо быстрее тебе скорую вызвать, пока кровью не истёк.

Я наткнулся взглядом на обезглавленного Сашку и с трудом справился со спазмом.

– Наверное, ментам тоже позвонить надо.

– Нет, пацаны! Некогда звонить. Валить отсюда надо, быстро!

Толик смотрел вверх, на холм, вглубь кладбища. Проследив за его взглядом, мы заметили в сумерках сразу несколько темных быстро движущихся фигур.

## 2. Пригород

Олега мы не уберегли. Успели дотащить его только до первого ряда жилых домов. Кровь у него из плеча текла в такт пульсу. Я пытался найти и зажать эту треклятую артерию, Толик на ходу попробовал смастерить жгут из олеговой футболки, накинув кольцом на шею и затянув подмышкой. Кровь бить перестала, но сознание наш друг потерял уже на половине дистанции.

Мы чуяли хрипы монстров за спиной и не останавливались для полноценной перевязки. Просто подхватили Олега под руки и потащили на себе, чтобы скрыться во дворах как можно быстрее. И все равно оказалось, что зеленые твари нас опередили. Видимо, опередили давно: на улицах царила паника.

Нам даже удалось по-быстрому отыскать подходящую машину: с ключами и заведенную. Это был патрульный полицейский УАЗ. Сержант в синей форме так и сидел за рулем, весь в крови, сжимая безжизненной рукой еще теплый после выстрелов пистолет. Других его коллег видно не было, хотя по дороге мы слышали пару автоматных очередей. Шли на звук, надеясь получить помощь.

Преследователи не дали нам уложить Олега в машину. Они напали сразу с двух сторон, и пока Толик отгонял одного «трофейным» ножом, я выхватил у водителя пистолет.

Первые три пули застряли в зеленой шкуре бегущего на меня монстра, не причинив ему никакого видимого вреда. Больше в обойме ничего не было, а вставить вторую я не успевал – её еще нужно было вынуть из кармашка в кобуре погибшего сержанта.

Армейские навыки сослужили службу, мне удалось несколько раз отбить атакующее лезвие полицейской дубинкой. Сила ударов была такова, что нож до середины прорубал резиновую палку, упираясь только в закладной металлический стержень. Но в конце концов, при очередной атаке, дубинка лопнула, сложилась пополам, зажав лезвие.

Я из всех сил рванул на себя – уродец остался безоружен. Но и мне такой трофей был бесполезен, только руки занимал. Поэтому я швырнул сцепленное оружие обратно ему в морду и метнулся за дверцу автомобиля.

Только бы он нагнулся за своим ножом! Новая обойма вот, уже у меня в ладони! Враг оскалится, приняв моё тактическое отступление за панику и попытку бегства. Торжествуя прорычал и прыгнул.

Я толкнул дверь ногой, неплохо треснув зелёного по морде. Клац! – секундной задержки хватило, затвор встал на место, патрон в стволе. И когда монстр вцепился мне в правую ногу когтями, словно тисками сжал, я в упор всадил ему пулю прямо в злой желтый глаз.

Времени для передышки монстры мне дать не подумали, из-за капота на звук выстрела показался еще один коротышка. Но его, усвоив урок, я убил с первого раза, с двух шагов – в морду.

Третий к тому времени уже сумел вскользь полоснуть Толика ножом, но реакция у моего друга всегда была отменная. Сделав ложный выпад, словно обводя мячом соперника на матче, Толик вдруг ушел в сторону, зажал лапу с ножом подмышкой и ткнул зелёного своим лезвием снизу вверх, под челюсть. Брызнуло тёмным, враг с визгом повалился в пыль.

Был еще четвертый, которого мы и не заметили сразу. Но он, оказавшись в одиночестве, утратил боевой запал и бросился бежать. Догонять его не было ни сил, ни желания.

Вернувшись к Олегу, мы обнаружили, что ему в суматохе эта гадина перерезала горло.

### 3. Рынок

Уже потом, опросив немногих выживших, мы узнали о зеленых существах чуть больше. Оказывается, они шли вовсе не с кладбища, как мы поначалу решили, а из руин старой фабрики чуть южнее. Пяток разведчиков, с которыми мы столкнулись, всего лишь прикрывал фланг целого отряда.

Возможно, городское кладбище вообще было в тот вечер самым безопасным местом во всей округе. Потому что основной отряд напрямик вошел на окраину города и устроил кровавый марш через три улицы, почти до самого рынка. Только там удалось остановить этот ужас.

В правобережном пригороде застройка преимущественно малоэтажная, всё больше частная. Два десятка улиц, один мост. Так или иначе, все дороги стекаются к рыночной площади. Там же располагается администрация, поликлиника – в общем, все самые важные заведения района.

Когда убийцы выбрались к рынку и крики ужаса наполнили окрестности, ночная смена РОВД выбежала на улицу в полном составе. Твари даже вроде бы обрадовались, что встретили, наконец, организованное сопротивление. Собравшись шеренгой, они бросились напрямик к полицейским, и на счастье – у дежурного был в руках автомат, который положил большую часть атакующих на подходе. От легких табельных пистолетов тоже был какой-никакой толк, кровавый рейд закончился быстро.

Тем не менее, два десятка зеленых ублюдков успели походя вырезать тридцать шесть человек. Застигнутые врасплох прохожие не оказывали сопротивления, они вообще не понимали – что происходит? Не все успевали вовремя заметить опасность, не каждому хватало физической формы, чтобы убежать от шустрых косолапых карликов.

Больше всего жизней спасли в тот вечер панические крики, благодаря им многие горожане не были застигнуты врасплох и присоединялись к бегству. И разумеется, больше людей не погибло потому, что нападавшие двигались целенаправленно к мосту. Они просто не стали задерживаться и входить в каждый дом.

К сожалению, мы тогда не знали их истинной цели. Да что мы тогда вообще знали? Откуда, как, зачем они пришли сюда? Остались ли еще такие, где и сколько их? Всё это мы выяснили лишь потом. Смешно, мы ведь даже гоблинов поначалу прозвали троллями. Ну, тролль – это вроде как солиднее, страшнее. Насколько это страшнее, мы тоже узнали потом. Когда вслед за первой зеленой волной пришла настоящая орда, и с ней – настоящие тролли.

Они появились незадолго до того, как в город вошла армия. Но сначала нам пришлось несколько часов провести в настоящей осаде, наспех сооружая баррикады и отбивая яростные атаки зеленокожих. И первый их серьезный удар, по сравнению с которым отряд расстрелянных разведчиков был сущим пустяком, горожане чуть снова не пропустили, были заняты осмотром зеленых трупов, подсчетом собственных потерь и помощью пострадавшим. Нуждавшихся в помощи было совсем мало, зеленые оказались прирожденными убийцами.

Людей обуревала своего рода эйфория от осознания, что всё так быстро закончилось. О прочесывании улиц не подумал никто, об эвакуации людей даже речи не велось.

Нет, я не говорю о полной безалаберности. Наверное, многих подробностей того, что происходило ночью в городе, мне и знать не положено. А уж какими слухами история обросла потом, через день-другой! Но точно знаю, что городская полиция (после доклада из заречного района о стычке с неизвестными и потерях среди личного состава) подняла по тревоге весь свой гарнизон.

Не прямо сразу, конечно. Какое-то время в центре соображали, что к чему. Нападение карликов с ножами – это было, прямо скажем... Ну, не очень правдоподобно. Поэтому в город-

ской дежурке хоть и не стали докладывать о странной информации «выше», к нам довольно быстро выслали машину с понятливым майором, старшим на тот момент из офицеров. Он быстро уяснил, что рапорт был достоверным.

Из трех дежуривших в ночную смену патрулей один на связь не вышел совсем, второй присутствовал частично: пара раненых сержантов вскоре появились в РОВД, судьбу их третьего коллеги мы с Толиком обрисовали в двух словах. В общем, выводы можно было сделать быстро.

Как назло, наблюдались сумасшедшие проблемы со связью. Одна радиостанция в дежурке отказала, резервная выла, не переставая, на высокой ноте. Телефоны прозванивались к адресату через два раза на третий, а кому посчастливилось – все равно разрывали соединение через пять-семь секунд разговора. После нескольких попыток майор только и смог сообщить дежурному по городу, что информация полностью подтверждается, нужно трубить тревогу и собирать подкрепление для проверки всего района.

Дальше звонок снова прервался. Услышали доклад, нет ли – понять было невозможно. Майор плюнул и отправил обратно в центр своего водителя с запиской, вроде вестового. Дороги пустые, минут за двадцать должен был обернуться туда и обратно.

Затем, чтобы не терять зря времени, были собраны несколько разведгрупп. Как из числа сотрудников, так и десятка добровольцев, «рекрутированных» среди зевак. На одной уцелевшей «патрульке», двух частных «Жигулях» сотрудников и еще четырех чьих-то «гражданских» машинах (одну из которых попросту реквизируют со стоянки у рынка) эти группы быстро отправили к южной окраине, в старую промзону, к дачам, а также за кладбище. Чтобы хоть что-нибудь прояснить в происходящем безумии.

Толик, которого дома никто не ждал, рвался в гущу событий и напрашивался в одну из групп. Я, следуя его примеру, тоже напросился, но не в разведку, а просто попутным пассажиром. Выяснив для начала, какая из машин пойдет мимо аптеки. Там, в одном из шести домиков с общим двором, меня ждали Маринка и тётя Наташа. И я чуть ли не вслух убеждал себя, что они спокойно сидят дома, смотрят телевизор и вообще – не в курсе случившегося.

Это я потом узнал, что четыре машины с разведчиками так и не вернулась обратно. Хотя все бойцы были доходчиво, на примере длинной очереди разодранных трупов, проинструктиваны. Я мог бы оказаться в их числе, если бы не попросил тормознуть и высадить меня возле дома.

## 4. Дом Маринки

– Вааась, это ты? Ты где был? Ты не знаешь, почему у нас телевизор не показывает? – вместо «здрасьте» завалила меня вопросами тётя Наташа.

Вообще-то она мне не тётя, а как бы кандидат в тётчи. Мы с Маринкой официально не расписаны, да и встречаться всерьёз начали только за пару месяцев до моего призыва. Но называть себя по-отчеству Наталья Сергеевна уже запретила, да и распоряжается мной в быту как родным, по полной программе.

Она вышла из своей комнаты и чуть не вскрикнула.

– Ты почему в таком виде, Вась? Ты что, подрался? Так это что, правда, не салют был, стреляли на рынке? Вась, ты чего молчишь, что там случилось? – тараторила она, хватаясь за сердце и не давая мне ни слова сказать в ответ.

Вот ведь, на вид – обычная провинциальная тётка, а глаз-алмаз, всё она заметила и сопоставила.

– Все уже нормально, успокойтесь, тётя Наташ. Я жив и здоров.

Она, не убеждённая, смотрела с подозрением.

– У вас ставни заперты? – продолжал я. – Воткните костыли и проверьте, чтоб снаружи не выдернуть. Я сейчас еще ненадолго пойду, а вы дверь за мной закройте и не открывайте никому. Лучше вообще не подходите к ней. А еще лучше, свет погасите, сидите в спальне.

– Вась, ты чё, обалдел? Что значит, запритесь и сидите? – вышла из комнаты Маринка и тут же, как всегда с ней бывает в стрессовой ситуации, стала вести себя как более молодая копия своей мамы. – Ты себя в зеркале видел? Это что на тебе, кровь? Ты куда в таком виде собрался? Что происходит вообще?

Да, это с ней всегда так. Помню, в день нашего знакомства она в кинотеатре на фильме ужасов так же заваливала меня вопросами.

Почему именно там? Ну вот сложилось. Мы встретились в одном забавном заведении, где можно было весело проводить время до позднего вечера. Ребята из наших компаний случайно оказались знакомы – и познакомили нас, единственных «посторонних» друг для друга.

Мы как электроды прикипели друг к другу моментально, насовсем, расстаться больше не смогли.

И вот, когда музыку в клубе уже вырубил, бармен погасил свет, а на соседний парк, оказывается, тоже опустилась глубокая ночь, мы отбились от своих приятелей и отправились куда глаза глядят – лишь бы остаться вдвоём. Так вышло, что единственным местом, всё еще открытым для посетителей, был кинотеатр. А единственным фильмом, который еще показывали, дешевый и довольно глупый японский фильм ужасов. Не помню, то ли «Проклятье-5», то ли «Закрытие-7».

Нам разницы не было, купили билеты и пошли в зал. Там оказалось еще человек семь, в том числе парочка на заднем ряду, интересовавшаяся совершенно не фильмом, да небольшая компания невест как угодивших на этот сеанс подростков на нижних местах. Да и те быстро сообразили, что зрелище ожидается не под их интересы, слиняли быстро.

По примеру парочки за спиной, мы тоже сначала не слишком вдавались в сюжет. Но постепенно спецэффекты и регулярные истерические вопли гибнущих персонажей привлекли наше внимание. Притиснуться ко мне ближе, чтобы было не так страшно, Маринка не могла – теснее некуда. Тогда она начала задавать вопросы.

А почему у героини такое странное лицо? А куда девался призрак? А откуда взялась собака? А зачем они вообще пошли в тот дом? А что ж они не убегают? А эти мальчишки, ты видел, ушли через пожарный выход! А они не маленькие по ночам шататься? Да еще такие

фильмы смотреть? А они, наверное, без билетов прошли, раз ушли сразу, значит – не тратили деньги...

Вопросы сыпались, как из пулемёта. Я был немного в шоке и не сразу сообразил, что можно просто кивать и обнимать её крепче, а отвечать не обязательно. Это уже после, пройдя через три-четыре подобных ситуации, понял. Ей не требовалось получать ответы: адреналин в крови просто требовал постоянного вербального контакта, того важного чувства, что рядом есть человек, способный выслушать, осмыслить, что-то нужное сказать и решить.

Обычно у меня такие проявления вызывали улыбку и желание прижать Маринку к себе. Но не сейчас. Настроение, общее физическое состояние, да и обстановка за окном в тот момент категорически не давали переключаться на нежности.

– Все вопросы потом!

– Что значит потом? Вась, ты...

– Да успокойтесь вы! Сказал же, потом. На нас там... напали. Разбираемся. Мне надо, там... ментам помочь, в общем. А вы запритесь и сидите тут.

– Стой! Кто напал? Бандиты? Террористы? Их что, не поймали? Куда ты собрался, вернись быстро в дом! – заголосила одна.

– А почему на тебе кровь? Ты что, ранен? Ты никуда не пойдешь! – вторила ей другая.

– Да не моя это кровь! Сашкина. Они Сашку убили. И Олега.

Обе женщины ошеломленно замолчали, тётя Наташа только прикрыла рот ладонью и что-то зашептала. Зато из комнаты с возгласом: «Как убили?» – выскочил еще один персонаж, маринкина подруга Вера.

– Ты-то что здесь делаешь?

– Она в гости пришла, – ответила за неё Марина. – Мы кино с ней смотрели, а тут стрельба.

Только теперь осознав, что снаружи происходит нечто ужасающее, она тихонько завывала. В этот момент с улицы донесся отдаленный, но знакомый неприятный звук.словно лопнула гигантская натянутая над городом струна. Лампочки в кухне и в коридоре с нарастанием звука стали светить всё ярче и ярче. Как только звук оборвался, одна погасла, а вторая вообще лопнула.

Девки взвизгнули, а я покрылся липким потом, хоть еще и не успел сформулировать себе чётко, почему этот звук вызвал у меня приступ панического страха. В темноте нащупал кнопку ночника и надавил. Кухню залил бледный, розоватый от абажура свет – эта лампа была исправна.

– Одевайтесь. Надо уходить.

– Что? – спросили они, все трое хором.

– Быстро! Бросайте всё! Надо бежать немедленно!

В подтверждение моих слов где-то невдалеке, всего через пару улиц, взвыла сирена полицейской машины и раздались автоматные очереди.

Сейчас я вспоминаю тот момент с трудом, как во сне. Не знаю, правильные ли принимал решения. Тогда они казались верными и единственно возможными. Я даже не помню, как сумел подавить назревавший «бабий бунт» и быстро заставить женщин беспрекословно подчиниться. Кажется, беспощадно орал на них, и без того напуганных, используя самую черную площадную ругань. Наверное, можно было как-то иначе, мягче, что ли. Зато действовало максимально быстро.

Сначала я гаркнул, чтобы не трогали никаких вещей: потом заберём, сейчас надо торопиться. Девчата все равно похватили свои сумочки, наспех обулись и выбежали за мной. Ну, что значит – выбежали... Маринка с Веркой выбежали, тётя Наташа, растерянная и ошарашенная, ковыляла следом.

Выстрелы прекратились так же неожиданно, как и начались. Я стал понимать, что мы не сможем никуда убежать – с больными ногами моей почти что тётки. Как бы в подтверждение, во двор стали забегать соседские мужики, прятаться по квартирам. Увидев нас, они махали руками:

– Идут, идут сюда! Бегите, прячьтесь!

Я повернулся к Марине.

– Мы не сможем уйти вместе. Бери Верку и запирайтесь в доме, как я сказал. Погасите свет и сидите тихо.

– Ты тоже с нами!

– Нет! Слушай меня! Если их много и придется бежать – тётка Наташа не уйдет. Если останется тут, она может погибнуть, понимаешь? Я возьму мопед и вывезу её сейчас, а за вами вернусь.

– Ты никуда не поедешь!

– Обязательно вернусь, обещаю!

– Нет, Вася, я тоже никуда не поеду! – это уже тётка.

Я плюнул и распахнул дверь. Маринка от неожиданности пискнула и отскочила, шелкнул замок.

– Я сказал, быстро в дом! Тётка Наташ, жить хотите? Вот и не спорьте! Полезайте в седло!

Отдавая команды, я уже выкатывал из палисадника старый, еле живой свой мопед. Как раз усаживал женщину на заднее сиденье, когда мимо двора пробежал первый зеленокожий.

Конечно, чуда не случилось, он нас заметил. Уже через секунду вернулся и, оскалившись, кинулся внутрь. Не слезая с мопеда, я подпустил его на десять шагов и убил двумя выстрелами в морду. Из того же полицейского пистолета, который, разумеется, после первой стычки с монстрами припрятал под курткой.

Тётка Наташа вскрикнула, оглохнув от близкого выстрела. Я со словами: «Крепче держитесь!» – дернул стартер и выехал со двора. Слева маячили фигуры карликов, бегущих по переулку. Наверное, с десятков, не меньше. Только бы теперь движок не заглох, только бы вытянул!

Я еще раз мельком взглянул на монстров и выжал газ, направляя мопед в сторону рыночной площади.

## 5. Перекресток

Все-таки, благодаря разведчикам, многие в нашем районе успели заранее узнать о приближении новой волны тварей. Ведь откровенно говоря, с оповещением в тех условиях было плохо, очень плохо. Телевидение и радио не ловили, интернет вырубился напрочь, почти вся электронная техника погорела. Да если бы и не погорела, кто бы там среди ночи на телецентре оповещение запускал?

Мобильная связь тоже почти отсутствовала. Лишь кое-как, в некоторые улицы, выборочно, можно было пробиться по «проводному» телефону. Но люди все равно пытались звонить, кто родственникам и знакомым, а кто – просто так, на все номера подряд.

Не помню, кто предложил, но выход нашли простой и эффективный: машины с включенными сиренами, клаксонами и мегафонами были высланы на улицы. Непрерывно катались, оповещая население. А пешие добровольцы, быстро распределив адреса, бросились по дворам с устными разъяснениями.

Мне кажется (или просто хочется в это верить), что так или иначе большинство жителей района, кроме самых отдаленных улиц, успели передать друг другу тревожную новость. Благодаря этому люди смогли или забаррикадироваться в домах, или убежать вглубь города.

Когда я подкатил к полицейскому участку и завел тещу внутрь, оказалось, что сюда через мост уже прибыло два автобуса с подкреплением. Разобрав оружие, бронежилеты, жестяные щиты в рост и смешные зеленые каски, полицейские занимали оборону на перекрестках. Вроде бы вместе с ними, но как бы и сами по себе – мелькали несколько мужчин из другого ведомства, в неприметной одежде без нашивок и с оружием повнушительнее.

Когда волна нахлынула, первые ряды монстров защитники опять расстреляли из автоматов, как в тире. Я бы сказал – с легкостью и без потерь. Вот только на этот раз гоблинов было в несколько раз больше. Наверное, сотни четыре.

К тому же, они оказались не только яростными, но и достаточно умными противниками. Принцип действия огнестрельного оружия уловили, прижимались к самой земле, прятались за машинами, за углами домов и деревьями. Но при этом каким-то образом не рассыпали строй, продолжали двигаться быстрой лавой.

И да, они были изумительно живучими. Если не удавалось сразу попасть в голову, на добивание каждого уходило еще по три-пять выстрелов. У сержантов и офицеров, одного за другим, кончались патроны. В первый раз стрелки успели воткнуть по запасной обойме и положить еще по паре-тройке нападавших, но потом враги подбежали вплотную, а к ближнему бою с таким противником полицейские были не очень-то готовы.

Первую линию обороны гоблины смяли за секунды. Навыки самбо и рукопашного боя не помогли против атаки двоих-троих вооруженных тесаками карликов разом. Бронежилеты не спасали от лезвий и грубых тяжелых шестопёров. Монстры были ловки и сильны, наносили хлесткие удары по конечностям, по голове снизу вверх, опрокидывая человека навзничь, или били ножами в коротком прыжке.

Стрелки, быстро поняв свою ошибку, стали бросать позиции, побежали перед рядами противников. Все тот же старый майор, который с самого начала взял на себя руководство, поднёс к губам мегафон и начал орать в него короткие, преимущественно матерные, доходчивые приказы.

По его команде задняя цепь стрелков пропустила выживших товарищей и открыла заградительный огонь. Дала коллегам возможность остановиться и вернуться в бой, перезарядить автоматы. Потом они поменялись местами. И ещё раз. А потом... Потом патроны закончились у всех.

Орда поредела на две трети, но продолжала упорно двигаться нешироким фронтом, сразу по нескольким параллельным улицам. Бой шёл, судя по звукам выстрелов, сразу на четырех или даже пяти перекрестках. Мы с Толиком, снова оказавшись вместе, могли видеть только один из них, о ситуации на флангах судили только по интенсивности пальбы. Впрочем, я думаю, везде это произошло одинаково.

Подсумок для обычного полицейского «калаша» вмещает четыре запасных рожка, 120 патронов. В бою может хватить надолго. То есть, в обычном бою, когда враг не лезет на автомат, даже получив три-четыре пули в грудь. Наша ситуация была, мягко говоря, нетипичной. И хотя с начала боя прошло всего минут семь, защитникам города уже пришлось снова переходить в рукопашную.

Буквально в самый последний, критический момент, когда ряды снова дрогнули, к нам в переулок выбежало небольшое подкрепление – отделение автоматчиков в зеленом камуфляже. К тому времени гоблинов оставалось совсем немного, десятка два – два с половиной, и их даже удавалось сдерживать несколько минут подручными, так сказать, средствами. Но они всё равно едва не прорвались, потому что одновременно с нашим подкреплением появились новые твари и с той стороны.

На вид это была уродливая помесь кабана и собаки, серо-коричневого окраса. Только размером с мини-купер или бочку на колесах, из каких летом в скверах продают квас. Гоблины сидели на них верхом и перемещались со скоростью, которой позавидовал бы мой старенький мопед.

Первым заметил их приближение и крикнул: «Всадники!» – боец с карабином, соорудивший огневую точку на козырьке подъезда. Он же стал и первой их жертвой. Двое наездников упали, сбитые короткими очередями, но их животные оказались толстошкурными. Они продолжили скачку и, врубившись в последнюю баррикаду, разметали её. А остальные наездники сразу уяснили, что стрелки наверху гораздо опаснее, и нашли способ до них добраться.

Ближайший зверь, задрав рыло, совершил вертикальный скачок. Зацепился когтями за подоконник на первом этаже, легко сминая ажурную стальную решётку. Оттолкнулся, тяжело упал на бетонный козырек. И впился в стрелка пастью размером с экскаваторный ковш.

Его самого пристрелили секундой позже, когда сила инерции не позволила такой туше удержаться на козырьке. Упавший наземь зверь служил прекрасной мишенью, грех не воспользоваться. Но дела были уже совсем плохи. Половина из оставшихся в живых людей, побросав бесполезное оружие, в панике разбегалась. Наездники, прыжком преодолев расстояние до баррикады, рубили и рвали тех, кто замешкался. Пешие гоблины довершали разгром.

В этот момент, как будто опомнившись и устыдившись, на улицы вышли горожане. Трёх всадников, неосмотрительно прорвавшихся в тыл людям, пара пожилых мужичков начинила жаканами из охотничьих ружей. Один бил со своего балкона почти не целясь, вскидывая ружьё к лицу и тут же спуская курок. Второй, обвешанный крест-накрест патронташами прямо поверх майки, бежал от подъезда: припадал на колени, всаживал заряд, делал пару шагов и снова прицеливался.

В ту же минуту черный внедорожник с ревом вылетел со стороны набережной и врубился с тыла в последний ряд атакующих. Машина сбила нескольких гоблинов, врезалась в труп одного из волков и заглохла. В люк на крыше высунулся молодой лысый бугай. По-моему, он был в хламину пьян, но палил по зеленым спинам из помпового ружья без остановки.

Опустив стёкла, с визгом и улюлюканьем к этому сафари присоединилось еще три человека в салоне. Пороховой дым валит из окон, гогочущие стрелки наверняка оглохли не видели ничего дальше собственного носа, – но психологический эффект был хорош. Гоблины, пробегая всего в паре метров, даже не пытались наказывать смельчаков за наглость. Метались под огнем и падали один за другим.

Воспользовавшись заминкой, людское войско перестроилось и контратаковало. Мы с Толиком, не сговариваясь, бросили свой наблюдательный пост в подъезде и побежали к баррикаде, чтобы подобрать какое-нибудь оружие и присоединиться к расправе. Туда же бежали еще десятки взрослых мужиков и молодых парней, и даже пара женщин. Многие были вооружены хозяйственными топорами, вилами, а то и ломками, или даже бейсбольными битами.

Через пять минут всё было кончено. Потом ещё пять минут мы ликовали. А потом радиации у полицейских начали хрипеть и визжать. На высшей ноте этой какофонии раздался звук лопнувшей струны и сразу же в округе погасли все фонари.

– Вот это пыхнуло! Сильнее, чем в первый раз! – в упавшей на улицу тишине заявил сержант в разодранной куртке, без правого рукава.

Поймав непонимающие взгляды, пояснил:

– Так же было перед тем, как они в прошлый раз полезли. Сначала связь в машине сдохла, потом вот этот звук, и сразу мотор заглох. А потом – они.

Люди смотрели на него, не желая верить услышанному. А старый полицейский майор в перепачканном грязью и кровью кителе, пнув тело дохлого зеленого монстра, в очередной раз поднес к губам свой мегафон и захрипел:

– Какого ляда вы встали? Поднимайте всех! Оружие собрать! Гражданских вывести! Все уходим к мосту!

Тех, кто его слышал с самого начала, подгонять было не нужно. Тем, кто стоял поодаль, он прокричал:

– Бегом, бегом, вашу мать! Жить надоело? Уходите быстро! Кто останется здесь – смерть!

Взвыли сирены. Сквозь их гул, уже тихо, самому себе, майор добавил: «Если их придёт еще столько же, нам и там – смерть».

Их было больше. В разы.

## 6. Набережная

Интервенты двигались плотной толпой. Фонари на набережной частично уцелели, и нам с другого берега было видно эту бурую орду, выплёскивающуюся из переулков.

Там были обычные гоблины, которых мы видели с самого начала. Там были, видимо, командиры – чуть повыше ростом, в горшкообразных шлемах, некоторые в грубом подобии кожаных и частично металлических доспехов. Еще там были десятки наездников на этих уродливых животных, способных лазить по стенам домов, цепляясь за выступы длинными кошачьими когтями, и совершать десятиметровые прыжки с крыши на крышу. Были с ними еще новые твари, высокие, почти со взрослого человека. На этом отличие заканчивалось: шипели, орала и оскаливали клыки на вытянутых зелёных мордах они не меньше сородичей.

Вооружены интервенты были чем попало, словно это и не армия вовсе, а шайка бродяг, наспех похватавших в руки что попало. Гоблины шли со всевозможными тесаками, ножами, серпами. Кажется, у одного я заметил полноценный двуручный меч. Твари повыше предпочитали топоры разной величины и формы, от совсем маленьких лабрисов до целых секир. Часть наездников тоже размахивала топорами-чеканами на длинных тонких рукоятках, другая часть ловко крутила в лапах шестопёры, кистени и цепы, изредка встречались копыя. Чистая банда.

Орда вылилась на набережную и встала. Заняла практически всю площадь перед мостом. Я не умею считать толпы по головам, но на глазок бы сказал, что в моем поле зрения их было не менее тысячи. То есть, только с моей не слишком удобной позиции видно было столько же, сколько собралось защитников на этой стороне.

Толком подготовиться к новой волне мы, конечно, не успели. Хорошо хоть, что с эвакуацией не возникло особых проблем, правобережный район был совсем небольшой. Ужас первой резни лучше любых слов убедил людей не собирать скарб, а просто бежать без оглядки.

Судьбу тех, кто остался заперт в своих домах, мы боялись даже представить. Не все догадались в короткий перерыв между нападениями добежать до дома и вывести родственников.

Я, разумеется, вторую попытку сделал, как только бой на перекрёстке закончился. Сразу же прыгнул на мопед и рванул к маринкиному дому. Обеих девчонок разом тщедушный движок вполне бы потянул. Но я не успел, первого гоблина встретил еще за полтора квартала до нужного мне двора.

В пистолете была еще целая обойма, которую я стащил с баррикады после боя. Затормозив, без сомнений достал оружие. Только на рёв мотора из-за угла сразу же вылезли еще пять или шесть зеленых тварей. Чуть не плача от злости, я сунул пистолет обратно под ремень, поднял мопед «на козла» и погнал в обратную сторону.

Была еще безумная мысль заехать в переулок, бросить технику и налегке, огородами пробраться все-таки к дому. Не знаю, как я рассчитывал докричаться до своих и не быть при этом замеченным гоблинами. Может, рискнул бы, но на повороте улицы увидел, как на крышу ближайшего дома вспрыгнул всадник на свиноволке.

Зверь тяжело карабкался, прорывая когтями покатуую жестяную кровлю, и не сразу послушался седока – прыгнул слишком поздно. Мне оставалось, пользуясь такой невообразимой благосклонностью судьбы, только выкрутить газ до упора и нестись, надеясь, что случайная кочка не прыгнет под колёса и до набережной я доеду быстрее животного.

Толик потом орал на меня последними словами. Говорил, что снайпер чудом успел снять зверя уже в прыжке. И что я, мол, второй раз родился. И что я не успел бы всё равно доехать до дома, не столкнувшись с пришельцами. А с учетом, что перед каждой новой волной не только горели лампы, но и разряжались аккумуляторы, останавливались механические часы, иной раз даже патроны произвольно взрывались прямо в стволах и обоймах – короче, почему двигатель мопеда не вклинило на полном ходу, знает только ангел-хранитель.

Вывод Толян сделал, что я поступил тупо и бессмысленно, и понятно, почему ничего не получилось. Я же, скрепя сердце, объяснил тётке Наташе, почему вернулся один. Она тихонько заплакала. Чтобы не видеть этого, я озаботился ее срочной эвакуацией в тыл. А потом – в принципе помощью всем, кто нуждался.

К подходу новой волны мы уже отправили в центр города всех подросших к мосту женщин, детей, стариков, больных и тех, кто себя к таковым относил. Последних не проверяли, не было желания выяснять чью-то боеспособность и мобилизовать симулянтов насильно.

Там, дальше, власти обещали организовать для эвакуации автобусы, пока не началась всеобщая паника и машины удирающих не забили выезды. Не знаю, как складывался процесс, но в какой-то момент сирены гражданской обороны взревели над всем городом, оповещая о надвигающейся беде тех, кто до сих пор был не в курсе. После этого бегство из города стало тотальным.

Среди объявившихся наконец всевозможных начальников преобладало мнение, что и нам нужно отступать, полностью оставить город, чтобы дать возможность военным разбираться с проблемой. С трудом удалось вбить в эти головы, что люди просто не успеют выбраться. Одно дело, отвести за реку жителей малоэтажной окраины, другое – эвакуировать хотя бы десять тысяч человек. Не у каждого есть персональная машина с мигалкой, а враг передвигается очень быстро и одинаково методично убивает всех, кто попадает на пути.

К тому же, у людей полностью отсутствовала информация, куда идти. Всё, что мы знали о нашествии, получали от редких выживших очевидцев. Никто не мог сказать, каковы реальные масштабы вторжения, в какой стороне безопасно, нет ли у этих тварей других отрядов, которые сейчас обходят город стороной и ставят засады?

Нехватка разведанных усугублялось отсутствием связи. В первую очередь, с теми же военными. Радиоэфир был по-прежнему забит непрерывным визгом и бульканьем, мобильники и спутниковые аппараты валялись без пользы. Проводные линии вырубались окончательно, и не спасла даже хваленая защищенная спецсвязь.

Хотя по нашим рядам ходил слух, что в какой-то момент, совершенно неожиданно, удалось на пару минут соединиться с армейским штабом округа. Но вот толком объясниться с дежурным не вышло. Потому что районный военком оказался не великого ума, выхватил трубку и обрисовал ситуацию именно так, как она выглядела на самом деле. То есть, сообщил о вторжении зеленых карликов и потребовал немедленно ввести в город танки.

В общем, у военных полностью повторилась история полиции. После краткого сеанса связи никто не мог уверенно сказать, была ли информация о нашем кошмаре хоть где-нибудь получена. А если да, то воспринята ли она всерьез. С одинаковой вероятностью в ответ могли направить как бронированное подкрепление – так и бригаду из психдиспансера.

Не надеясь на удачу, от нас выслали курьеров с устным донесением и элементарными доказательствами. Лучше не придумали, чем сделать наспех несколько фотографий и завернуть в целлофан каждому гонцу по гоблинской голове.

Дальше оставалось рассчитывать только на свои силы. Впрочем, в городе все же был военкомат, штаб, отряд ВОХРа на железнодорожной станции, пяток частных охранных агентств, а также несколько банков со «взводом» инкассаторов... Были и другие технические, но все-таки военизированные организации. Да и в домах каждый третий из мужчин имел охотничий билет, что давало нам солидный арсенал берданок, на худой конец – нелегальных обрезов, припрятанных по сараям...

Беда была в том, что очень многие горожане, едва прослышав, какая именно угроза надвигается, быстро собирали манатки и давали стрекача. В числе первых исчезла практически вся городская администрация. В драках, возникавших в ту ночь посреди пробок на Северном объезде, осталось без зубов немало разного рода руководителей служб, ведомств, народ-

ных избранников, влиятельных (по меркам нашего небольшого городка, конечно) директоров и бизнесменов.

К величайшему сожалению, за ними последовала и некоторая часть людей в форме, поскольку оповещение и командование было организовано совершенно никак. Многие на этом фоне предпочли не ждать приказов, а вывозить в безопасное место семьи. Еще часть сослалась на внутренние регламенты, объявила сама себе «операцию Крепость» и попросту заперлась в служебных зданиях, организуя оборону изнутри.

Впрочем, наговаривать не буду. Многие служивые явились к месту сбора и вскоре выстроились на берегу. Сотрудники полиции, почти весь личный состав ОМОНа, подразделения ФСБ и прокуратуры. Несколько следователей в своей синей форме, несколько судебных приставов (почему-то все – без формы), старый судья-пенсионер с наградным «стечкиным», почти целый взвод охраны исправительной колонии... В общем, все, кого удалось собрать за прошедшие три-четыре часа с начала нашествия.

В результате у нас тоже получилась солидная армия. В ней даже было два отделения, сформированных из каких-то спецназовцев, неведомым чудом оказавшихся в нашем захолустье. К мосту был подогнан десяток бронированных внедорожников, в основном – инкассаторских, и один неизвестно откуда взявшийся БТР.

Еще была надежда на две военные части, в том числе учебный центр, дислоцирующийся совсем рядом, в пригороде. Но пока ни один из отправленных туда связных не вернулся.

При виде подтягивающихся на набережную «профессионалов», приободрились и «любители». Ополчение составляли в основном жители отданных врагу кварталов. Некоторым некуда было идти, другим наоборот – очень было надо, как и мне. У третьих в глазах читалась жажда мести, а кто-то пришел и просто «за компанию».

Таких поначалу было много, из еще не пострадавших кварталов приходили целые отряды. Но увидев сваленные за мостом зеленые туши, услышав рассказы очевидцев, ряды жидели. Торопились драпануть из города. Доставали из-под кровати ружья и возвращались – единицы.

Вооружение у «народного ополчения» было соответствующим. Потёртые двустволки, в лучшем случае – карабины. Я видел даже несколько арбалетов: компания знакомых молодых оболтусов из портового района, не придумав ничего лучше, под шумок разграбила магазин «Охота – Спорт – Рыбалка».

Еще у некоторых, в том числе у нас с Толиком, сохранилось подобранное оружие погибших силовиков. Какой-то полудурошный дядя в подполковничьих погонах начал было выступать, что всё табельное оружие у населения надо немедленно собрать. Но выполнять его команды никто не торопился, а Толян, у кого он попытался лично «изъять» автомат, заявил, что еще слово – и выбьет зубы. Остальные ополченцы активно поддержали идею.

Глядя на зеленую орду, выступающую на том берегу, еще один из командиров потребовал срочно вызвать саперов и взорвать мост. Люди поопытней объяснили, что найти столько взрывчатки, подготовить и заложить заряды на мощные железобетонные конструкции – долго, сложно и никакой гарантии успеха. Единодушно было решено не тратить время, а ускорить строительство укреплений.

## 7. Мост

Две армии стояли друг против друга уже больше часа, разделенные только неширокой рекой. Мы не знали, почему они не нападают. Если бы пошли вперед сходу, наверняка смели бы нас, неподготовленных, в два счета. Сейчас же силы уравнивались, настроение улучшалось. Не мешал даже нудный холодный дождь, изредка переходивший в мокрый снег.

Мужик в штатском, который почему-то руководил теперь обороной, бегал вдоль баррикад и покрикивал на ополченцев, запрещая стрелять. Типа – не надо провоцировать, время играет на нас.

В какой-то мере это было верно, мы всё еще не расставались с надеждой увидеть, как солдаты и тяжелая военная техника вгонят зеленых тварей обратно в ту нору, из которой они вылезли. И сами при этом продолжали окапываться, строить укрепления, выдумывать новые способы задержать врага на мосту. К примеру, подогнали на набережную машины из пожарной части, размотали и бросили рукава в ледяную воду, где местами еще плавали льдинки. Тварей ждал хороший сюрприз.

Но и они, как оказалось, тянули время не просто так. Мы вскоре увидели, как задние ряды гоблинов пришли в движение. Несколько наездников, награждая своих животных тяжелыми пинками и оплеухами, выволокли на набережную плоские серые плиты. Другие гоблины сразу же бросились отцеплять эти плиты и поднимать одну на другую, как на постамент.

Ромбовидные, выщербленные, с едва различимым на таком расстоянии узором, камни привлекли всеобщее внимание. Гоблины скакали вокруг плит, словно натирали их своими ладонями.

Постепенно узор на камнях проступил чётче, начал искриться, послышался гул и треск. Поверхность покрылась дымкой, поплыла волнами, одновременно на набережной потускнели все фонари.

– Как бы к нам сейчас оттуда что-нибудь не прилетело горячее! Как хотите, а я схоронюсь! – подал идею седобородый дед с древней «тулкой».

Поддерживая, по рядам прокатилась команда найти укрытия. Но с того берега ничего не прилетело, светящиеся камни оказались не оружием. Это был транспорт.

Лампы на фонарных столбах мигнули и разом погасли, с того берега до нас донесся знакомый оглушающий взвизг лопнувшей струны. В ту же секунду плиты гоблинов полыхнули зеленым и растаяли. За овальными просветами появились смутные силуэты.

Когда фигуры шагнули вперед, изниоткуда на набережную повалили сотни новых пришельцев. Седобородый дед перекрестился и сдавленно прошептал:

– Мать Божья!

Офицер в камуфляже с растительным узором на шевронах (я так и не понял, из какого он был ведомства) открыл огонь первым. С криком: «Бейте по камням!» – он выпустил на другой берег заряд подствольного гранатомета. Потом прицелился и начал одиночными расстреливать ближайшую из плит. К нему присоединился один из ополченцев, другой, третий. . .

Орда взревела. В темноте, подсвеченные со спины зеленым маревом, гоблины бросились в атаку.

Первый удар мы выдержали совсем неплохо. Мост был достаточно длинный и при этом достаточно узкий, чтобы небольшое количество стрелков могло его удержать. Два ряда автомобилей, опрокинутых нами на противоположной стороне, не давали гоблинам преодолевать открытый участок с разбега. Пока они лезли на эту преграду, горожане упражнялись в стендовой стрельбе.

Около десятка наездников, перескочив баррикаду, вырвались вперед. Это было глупо, они тут же стали приоритетными мишенями. Их легко выцеливали: ночь выдалась ясная, да зеленый свет камней играл нам на руку как подсветка.

Карлики, выбравшись на полотно моста, редко успевали сделать больше десяти шагов. Командир в мегафон постоянно осаживал стрелков, требуя беречь патроны. Это было нелишним, зеленокожие всё пёрли и пёрли, словно каждый убитый возрождался в своём зелёном аду в двоих новых.

Прячась за трупами сородичей, они уже добирались дальше середины моста. Мы перегруппировались, пустив вперёд охотников с дробовым оружием – готовились к кинжальному огню. Но тут подоспела важная помощь: наряд ДПС на патрульной машине с оторванной «люстрой» подвез пару крупнокалиберных пулеметов.

С их помощью некоторое время в створе моста справлялись всего шесть бойцов. Двое из них скорострельно валили зеленые цели, а четверо других, расположившись на крышах пожарных «Уралов», добивали из карабинов выбившихся вперед одиночек. Вся остальная беспорядочная пальба через реку давала сомнительный результат, при дистанции больше ста метров меткость была аховая. Стрелки больше надеялись на скученность противника, авось в кого-нибудь да попадёт.

Орки, которых по ту сторону стало на вид даже больше, перестали переть на рожон. Пока мы были заняты мостом, они тоже быстро сварганили баррикады из машин и камней, за которыми оказались почти в безопасности. Мы в очередной раз недооценили противника.

В неверном свете зеленых камней ополченцы заметили движение в сторону от моста. Возникла догадка, что гоблины пытаются зайти нам с флангов. Эта угроза и впечатление, что безболезненно удерживать мост можно будет еще долго, сподвигла командира выделить два крупных отряда в стороны по берегу, на разведку. К сожалению, идея подкатить к набережной машины с целыми фарами и вновь осветить противоположный берег пришла нам в голову не сразу.

Толик погиб одним из первых. Не знаю уж, стала тому виной его мощная комплекция, или удар был нанесен наугад. Ещё мгновенье назад он стоял рядом со мной, выискивая в прицел подходящую мишень, и вот этот свист, короткий вскрик, и он уже лежит на асфальте в крови, с пробитой головой.

Раздался еще свист, потом еще и еще, и смолк пулемет. Чуть в стороне кто-то вопил от боли, раздавался отборный мат и крики: «Врача! Врача сюда!» Возникла паника. За вспышками и грохотом выстрелов никто не понимал, что происходит. Люди залегли, ища укрытия. Огонь ослаб, и гоблины тут же опять заполонили мост.

С пожарных машин ударили тугие струи, отбрасывая атакующих обратно, вышибая наездников из седла. Люди, опомнившись, поднимались – и снова падали, сраженные короткими топорами.

– Вода! Они в воде! Реку переплыли!!! – орал один из раненых ополченцев.

Вблизи моста набережная была облицована вертикально гранитом. Но дальше шли обычные железобетонные плиты, уложенные наклонно. Почти ползком, укрываясь за невысоким парапетом, я добрался до каменной лестницы – спуска к воде – и выглянул. Внизу, всего метрах в трёх от меня, двигались еле различимые в темноте твари.

Их пояса были увешаны легкими топорами. Существа, которых мы уже успели прозвать орками, подплывали на расстояние броска, брали эти топоры за короткие рукояти и металы с невероятной для таких некрупных существ силой. А когда запас оружия подходил к концу, доставали такие же тесаки, как у более мелких сородичей, и двигались вперед, чтобы вступить в рукопашную.

Когда я посмотрел вниз, штук пять их уже выбиралась из воды на плиты. К сожалению, до этой минуты у меня тоже не возникало и мысли, что зеленокожие могут вплавать перебраться

через ледяную, еще не до конца очистившуюся ото льда реку. А они сделали это, причём форсировали преграду массово и эффективно. За рядами орков, быстро подавивших наши лучшие огневые позиции, к берегу уже подплывали шеренги коротышек-гоблинов с ножами, зажатými между зубов.

Не вдаваясь в размышления, я лёг, как учили, плотно вдавил приклад в плечо и дал короткую очередь. Ближайший орк дёрнулся, все три пули впились ему в тело. Но он только поднял морду, взревел и побежал наверх.

Я дал еще очередь, потом еще, потом понял и – уже почти в упор – саданул длинной ему в морду. С перепугу не удержал ствол, половина пуль ушла выше головы, но двух-трёх прямых попаданий хватило с лихвой.

Сверху, справа, слева в бой вступали всё новые смельчаки. Теперь вопли боли и ярости снизу раздавались так же часто, как и на берегу. Ухнул взрыв, сразу – второй, через пару секунд – третий, но ручных гранат у ополченцев было всего ничего.

– В башку! В башку бейте, шкуру не пробивает! – заорал я и пристрелил второго подбегавшего орка.

Третий чуть не стал для меня последним. Я не уследил, в рожке оставался единственный патрон, и когда подошел момент нажать на спусковой крючок – автомат гавкнул и замолчал. А тварь продолжала бежать. Я мог лишь откатиться в сторону, не успевая перезарядить, но надеясь, что меня хотя бы прикроют соседи.

Орк так и не появился – оказалось, я его достал. Он бежал уже практически мёртвый, на инстинктах, и свалился у последней ступеньки. Зато в гранитный блок, из-за которого я выглядывал, одновременно с моим движением ударил топор.

Благодаря судьбу, я перезарядил автомат и продолжил стрельбу уже более осторожно, основательно. Успел снять троих или четверых, сам дважды увернулся от лезвий, высекающих из бетона искры и каменную крошку. Становилось всё жарче: новая цепь орков подобралась слишком близко.

Что именно сделал со мной орк, неосторожно подпущенный на расстояние трёх шагов, другие бойцы объяснили уже потом. На вскрытом трупe врага показали конкретно: устройство длинного складного языка, толстый хрящ в основании, мощный мускул-выбрасыватель да жуткий пирсинг на кончике.

Заостренная гирька могла вылетать из этой пасти с быстротой и силой кузнечного молота. Наверное, меня спасло только то, что плевок языком ящер сделал одновременно с моим выстрелом, ведь большинство людей после такого выпада не выживали. Информацию о плюющихся монстрах, сразу же прозванных «щелчками» за характерный звук при плевке, люди постарались распространить по рядам как можно быстрее.

Удар языка был настолько мощным, что из камня за моей спиной брызнули осколки. Потом орк медленно упал. И мысли мои тоже почему-то затормаживались.

Я отстегнул еще один пустой рожок, перевернул вверх ногами скрепленную изолентой «спарку» и воткнул в автомат другой, снаряженный. Ощупал рукой подсумок, где лежало два таких же – немного, нужно поберечь. Что-то висело на волосах, мешало смотреть, и я мотнул головой. Движение опять показалось слишком медленным и далось с трудом, словно я водил головой в воде.

Неприятное ощущение не прошло. Наоборот, я почувствовал что-то тягучее и теплое на лбу. Провел рукой. Даже не глядя понял, что это кровь, и потерял сознание.

## 8. Лазарет

Вернулись ощущения не самым приятным образом. Голова страшно болела, в ушах стоял шум, через который частой дробью доносились звуки выстрелов. Я лежал на полу вместе с большой группой, десятками тремя, перевязанных и перемотанных, обколотых болеутоляющим горемык.

Помещение было незнакомое, торговый зал не то кафе, не то магазина. Своеобразный госпиталь. Только медперсонала было не видать, и я даже подумал, что попал в морг.

Но нет, из соседней комнаты, прихрамывая, вышла женщина с белой повязкой на руке и упаковкой бинтов подмышкой. В руках она держала «калашников». Коротко осмотрев каждого пациента, так же молча вышла обратно.

Голова была туго перемотана, но глаза, спасибо, оставили открытыми. И поскольку небытие отступало медленно, минут десять я только наблюдал сквозь разбитую витрину за происходящими на улице событиями.

На улице светало, а наши всё еще держались. Моста мне не было видно, но с той стороны по-прежнему слышались пулеметные очереди. А еще оттуда валил жирный густой дым.

По улице пробежали два грязных, ободранных парня, протащили узнаваемый армейский ящик с боеприпасами. Это радовало. Неужели, наконец, подошли войска? Но если войска – то почему ящик тащат не солдаты, а какие-то голодранцы? Почему прямо под окнами магазина, лёжа в кузове грузовика, прикрываясь жестяными полицейскими щитами, совершенный мальчишка методично лупит в белый свет из снайперской винтовки?

Я поискал вокруг – оружия не было. Ну правильно, там оно нужнее. Однако валяться нечего, голова вроде бы на месте, в глазах прояснилось – пора возвращаться в строй.

Подумать было проще, чем выполнить. Ноги не слушались, перед глазами плыло. Подступила и ушла тошнота. Но ничего, терпимо. Это от сотрясения, наверное. Или от потери крови тоже, говорят, бывает. Не надо было резко вставать. Отпустило, можно сделать шаг. Вот, уже совсем хорошо. Перестань цепляться за барную стойку, иди.

Никем не остановленный, я вышел.

На улице царил хаос. Светало. Значит, задетый остриём оркской плюки, я находился в отключке около четырех часов. А впечатление было, что попал в другой город.

Несколько домов как на той стороне, так и на этой, горели. На стенах зияли выбоины от пуль и обугленные дыры от чего-то крупнокалиберного, метра по полтора диаметром каждая. Повсюду на асфальте встречались кровавые пятна. Улицы были разбиты, завалены всевозможными обломками.

На том берегу канала тротуары усеивали зеленые тела. На нашей стороне их было меньше, зато примерно поровну с людскими. Видимо, всё-таки был прорыв. Учитывая эту информацию, я осторожно подобрался к грузовику и, стараясь не высовываться, заполз в кузов к снайперу.

– Привет. Живой? – он посмотрел на меня и улыбнулся, как будто мы были с детства знакомы.

– Пока вроде да. Как тут дела? Много я пропустил?

– А это смотря на какой странице заснул, – хохотнул парень, придвигая глаз к окуляру.

– Ну, на той, когда они только из воды полезли.

– А-а-а, ну тогда ты прощёлкал самое интересное. В воду они больше не лезут.

– Да? Здорово. А что так?

– А мы, как совсем подпирать стало, цистерну с заправки вылили выше по течению и подожгли.

– Помогло?

– Спрашиваешь. Они огня сильнее боятся, чем воды. Так что у нас теперь целая фабрика в тылу – по бутылкам бензин разливают и тряпки накручивают. Некоторые еще и добавки с сахаром химичат, типа чтобы лучше горело. Но я разницы не вижу. Главное, под самые ноги бросить, чтобы сильней забрызгало.

Я попытался разглядеть, откуда поднимаются клубы дыма. Снайпер выстрелил, оторвался от прицела и поглядел туда же.

– Не, это не то. Это на мосту пожарки горят. Их тролли подожгли.

– Тролли?!

– О, так ты этого тоже не видел? Ххе, да ты полжизни проспал! Они тут... – снайпер замолк, прицелился, выстрелил и перевалился на спину, перезаряжая винтовку. – Они тут такого нам жару дали, не приведи господь.

– Жару? Ты ж говорил, они огня боятся?

– Ну, бояться-то – да, боятся. А сами тоже пользуют. Они чуток побольше орков, всего раз в пятнадцать. Ну, ты как увидишь, то не перепутаешь. И где-то раз в четверть часа каждый из них огненной дрянью кидает. Сгусток такой, белый, навряде шаровой молнии. Летит издали, не всегда даже видно, кто запустил. Не быстро летит, но остановить нельзя, мы по ним стрелять пробовали – без толку. Только бежать.

– Сильно жарит?

– Когда долетает, тут мама не горюй. Деревянный дом начисто сжигает, если в машину – то только диски от колес оплавленные остаются. В кирпичной кладке дыры выжигает, иногда по две-три стены насквозь.

– Неслабо.

– Неслабо другое, что она не всегда с простым огнём прилетает. В конце взрывается, и всегда по-разному. Иногда от этого люди вокруг слепнут, иногда просто кашляют, иногда орать дико и бегать начинают по всей улице, как чокнутые. Ну а иногда и загораются.

– Это если в них попало или так просто? На расстоянии?

– Шагов до тридцати горит всё живое.

– Ммать...

– Ну, а как ты хотел? Это тебе не с условным противником на полигоне.

Парень выпустил еще одну пулю и опять откатился в сторону.

– Да ты не бзди, они в нашу сторону не часто таким кидают. Чаще своих обрабатывают. У них там, я так думаю, есть своя дурь особая, тролличья. Они ей когда маленьких своих пользуют – те вообще бешеные становятся. Вперед прут не глядя, на пули внимания не обращают.

В один из железных щитов звонко бахнуло, я от неожиданности вжался в пол. Снайпер хохотнул и со словами: «Ты вернулся, родной?» – приник назад к амбразуре.

– С кем это ты?

– Да есть тут один. Мы с ним уже час милуемся, кто кого первым запятнает. Хотя, может это уже и другой, кто их разберет, на одну ведь рожу, гниды безухие. Если увидишь где-то – он такой, с рогами, – мочи быстро и не раздумывай. Представляешь, с того берега топорами точнее садит, чем я отсюда из СВД. Видать, тоже у тролля нюхнуть успел.

– Меня один такой и сшиб. Языком в лоб.

– А, щелчок. Их тут много теперь. И орки такие есть, и гоблины. Говорят, видели, как тролль один языком человека схватил, в рот затащил и перекусил пополам.

– Так что, они все так могут? Я думал – только орки.

– Слава богу, не все. То ли не каждый выучил этот приёмчик, то ли половина большие какие-то, но не так уж часто щелчки встречаются. Примерно один из десяти.

– Все равно опасно.

– Так ты, главное, близко их к себе не подпускай.

– Не всегда такое удаётся, сам знаешь.

– Это да. Но знаешь что? Мне показалось, есть у этого их оружия один дефект.

– Да?

– Сам не проверял, но издали видел. Щелчки перед самым плевком голову вот так откидывают и глаза закрывают. Не спрашивай, почему, я не в курсе! Главное, если возле тебя вот так он начнёт корячиться, значит – всё, сейчас плюнет.

Он задумался.

– Сдаётся мне, если в этот момент присесть, от плевка спокойно можно уйти.

– Понятно, учту. Ну, удачи тебе. Я пойду. Не знаешь, где оружием разжиться?

– Да под машину загляни, там этого добра... После того как они левый фланг вырезали, вас – раненых – сюда перетащили, да оружие собрали. Много чего осталось.

– Как так вырезали?

– Да вот так. Зеленых всё прибывает и прибывает, камни их светятся, через них новые прут. А через мост пройти у них не получается, поэтому свой берег обживают и новые территории осматривают. Так и вышли ко второму мосту. На Криушке пешеходный, маленький такой, на понтонах, знаешь? Я вот и не знал, что он есть.

– Так что же там, наши не прикрывали?

– Не знаю. Вроде была засада, но с зелеными как раз первые два тролля пришли. А они с бульдозер не только размером, но и силищи такой же. Все заграждения разметали – даже не заметили. Ну а главное, против них выставить было нечего, их пули не берут.

– Ох, твою ж...

– Ага, согласен! – Снайпер еще раз выстрелил. – Не то слово. Вырезали всех. Там еще с нескольких домов людей вывезти не успели, так заодно и их тоже. А потом и сюда добрались. Видать, хотели через большой мост дорогу открыть.

– Как же вы их остановили? Если их пули не берут?

– Ну, не то чтобы совсем не берут. Если по морде в упор из пулемета садить, то немножко берут. У моста БТР стоял опять же, хотя патронов на нём совсем мало было. А потом мужичок один из закровов родины подарок подогнал. Хорошая машина, на упорах, автоматика револьверного типа. Вон, слышь, опять жажнула!

– Гранатомет?

– Он самый. Станковый. Типа нашего АГСa, но только импортный. Не знаю, где он его раздобыл, но двух троллей мы из него прямой наводкой пополам развалили. Снова загнали за реку, мелочь всякую огнеметом из щелей повыковыривали. Они, понимаешь, уже наловчились на этой стороне каменюки свои устанавливать, подкрепление прямо на место вызывать.

– Так ты видел их? Что за техника такая?

– Не разберёшь. Не земная это техника, нам не понять, факт! Мы какие нашли да покололи, а один уже включен был – шутки ради крюками зацепили на стройке и подняли краном на высоту седьмого этажа. Если в городе удержимся, надо будет сходить посмотреть, много ли чего оттуда насыпалось.

Этот снайпер был первым и последним человеком, у которого я в то утро видел улыбку на лице. Дальше встречал только измождённых горожан, уставших до предела воинов, не скрывающих страха. Пробираясь к мосту, который непонятно почему так манил зеленокожих, я увидел, во что превратился городской гарнизон. Три сотни до предела вымотанных людей, в глазах у которых сквозила обречённость.

На мосту я нашел старшего, им оказался тот самый полицейский подполковник, который несколько часов назад собирался отнимать у «штатских» оружие. Остальные офицеры либо погибли, либо возглавили отряды по усилению флангов и зачистке подвергшейся атак местности. Никто из них обратно к мосту так и не вернулся. Старший выглядел даже не испуганным – апатичным. На вопрос, где мне лучше всего занять позицию, просто махнул рукой в сторону берега.

К этому времени в бойне возникла пауза. Попытки зеленокожих приблизиться к мосту сошли на нет, они то ли держали совет, как избавиться от пулемётчиков, то ли ждали очередных подкреплений. Я расположился на досках у железной бочки, в которой был разведен огонь. Согрелся.

Мост стоял неузнаваем, изувечен, с боков выбиты большие куски бетона. По центру, рядом с колоссальной горой зеленого месива, зияла дыра. Видимо, здесь тоже пришлось кое-кого обработать из гранатомета. Сгоревшие остовы пожарных машин, изрядно послуживших ополчению в качестве водомётов, подтверждали, что здесь попытался пройти тролль.

Транспортных камней на противоположном берегу видно не было. После того, как стрелки сумели повредить несколько из них, гоблины уволокли остальные вглубь своей территории. Похоже, что враги располагали ограниченным количеством этих устройств и видели в них немалую ценность.

Затишье продолжалось еще часа полтора. Потом народ зашевелился, начал занимать боевые позиции. «Идут! Идут!» – прокричал с балкона наблюдатель.

На том берегу опять началось движение. Из переулка один за одним медленно выходили тролли. Один, два, три... Шесть штук. Каждый головой мог задеть балкон второго этажа. А руками таких размеров, пожалуй, был в состоянии вырвать этот балкон с корнем, и еще полстены в придачу.

За ними следовало сотни полторы орков в полном боевом снаряжении, скрипящем кожей и блестящим металлическими бляхами. Во главе каждой шеренги топали командиры с рога-тыми шлемами на головах, всего десятка полтора. За орками – море, нескончаемое море гоблинов.

– Господи, спаси, и сохрани, и помилуй мя, – шепотом нараспев выдал от соседнего бруствера ополченец, и я с изумлением заметил, что он в рясе.

– Какие снаряды? Нету у меня больше ничего! Я при тебе последний на того ублюдка извел! – орал на кого-то, видимо, владелец героического гранатомёта.

Пулемет заработал, под градом топоров смолк, затем заработал снова. Над головой с шипением пролетел белый шар, за спиной протяжно ухнуло. Но я не обернулся, смотрел, как первый из троллей начал подниматься на мост. Вот он, пожалуй, и конец. Если щербатый бетон сейчас не обрушится под весом этой туши, надеяться нам уже не на что.

И вот, когда тролли уже добрались до середины моста, когда ополченцев оставили последние капли мужества и когда защитники города просто начали бросать свои посты и пятиться в переулки, за спиной у нас сначала тихо, а потом всё отчётливей стал нарастать грохот и лязг. Мы еще не успели осознать вполне, что происходит, а за углом бахнуло так, что заложило уши и из окон повывлетали уцелевшие остатки стекол.

На мосту вздыбилось, закрутилось, и первый из троллей подлетел бесформенной тушей. Справа, из другого переулка, снова рявкнуло, и средняя секция моста в облаке пыли стала рушиться в воду.

На нашей стороне, чуть дальше по набережной, обвалился забор палисадника. Из-за него с грохотом вылетел третий снап огня, и еще один из ошалевших троллей рухнул в воду.

Танки. Это были танки.

## 9. Лагерь

Армия людей стояла на восточном холме, у села со смешным названием. То ли Веселая Грива, то ли Радостные Копыта – сейчас уже и не вспомнить. Её жителей эвакуировали, а неполную дюжину домишек наспех переоборудовали под штабные нужды. Прибывающие подкрепления горючили палатки всё выше на холме, но если они не сменят направление, то скоро упрутся в горы.

Армия монстров расположилась в низине, укрываясь за руинами и немногочисленными уцелевшими домами пригорода. Там еще можно было кое-что разглядеть, если забраться на самую вершину холма и использовать бинокль помощнее. А вот центральная часть города, неясная, подернутая искрящейся пеленой, была теперь совсем неразличима.

Город стоял, брошенный людьми.

Да, танки подросли почти вовремя. Кстати, и авиацию мы ввели в бой первыми. Звено вертолетов, где это было возможно в условиях городской застройки, зависло над набережной и струями свинца расчистило несколько улиц. Но это уже не имело никакого значения.

Вскоре люди узнали, почему орки (мы в итоге пришли к выводу, что главенствующую роль в их обществе занимают всё-таки орки) шли на такие жертвы и упорно штурмовали один и тот же мост. Им вовсе не нужны были ни мэрия, ни исторический центр как таковой. Наоборот, сковав наши силы на узком участке и дав время на эвакуацию населения, они незаметно, небольшими группами в сотню-другую бойцов обходили защитников в буквальном смысле слова огородами – через дворы частного сектора, не оставляя свидетелей. А затем резким боковым маневром беспрепятственно захватывали все высотные дома, любые доминирующие на местности здания и сооружения.

Интервенты оказались плохими, по меркам людей, тактиками, но превосходными стратегами. За ночь, пользуясь отсутствием связи, они тихо и жестоко нанесли удары по многим уязвимым местам. Электроподстанциям, узлам коммуникации и транспортным развязкам. Вокзал был сожжен дотла, выезды из города забиты брошенными в панике машинами. В колонии строгого режима, случайно оказавшейся на пути вторжения, заключенные впервые в её истории единодушно встали плечом к плечу вместе с охраной. Хотя те и другие были бы рады просто сбежать, но бежать оказалось некуда, смертный приговор ждал всех без исключения.

Таким же образом полностью была уничтожена военная база на юго-востоке: мало кто сумел покинуть расположение части. По этой причине, кстати, мы так долго не могли дожидаться помощи. Получив первый звонок с сообщением о нападении гоблинов, из части в город выдвинулся не отряд на БТРах, а штабной УАЗ с дежурным офицером – разобраться, что за пьяные выходки. Как только ворота базы открылись, орки убили часовых и хлынули внутрь.

Сопrotивления орда почти не встретила: ночью офицеры в основной массе были в городе, по домам, личный состав спал, оружие лежало в арсенале. Дежурная смена, конечно, подняла тревогу, часовые вели огонь с вышек до последнего патрона, но зеленокожие попросту захлестнули территорию. Несколько десятков солдат успели запереться в здании, откуда сначала отстреливались, а потом отбивались от лезущих в окна врагов саперными лопатками. После пришёл тролль, одним ударом обрушил стену. Орки довершили резню и воткнули посреди плаца еще один порталый камень.

Камни. Всё дело оказалось в этих камнях. Из камней орки пришли в наш мир, из-за камней мы им проиграли. Закрепившись на любой важной точке, в любом ключевом для сражения месте, они ставили камень и открывали портал, откуда появлялись новые орки.

Мы быстро уловили взаимосвязь между появлением портала и выходом из строя электро-связи. Каждая активация сопровождалась мощными выбросами неизвестной энергии. Пона-чалу светлые головы решили, что мы имеем дело с ионизирующим излучением или электромаг-

нитной волной, сжигающей электронику. Такую технологию люди давно знали и использовали, так что вывод казался очевидным.

В действительности всё оказалось гораздо сложнее. Последствия импульса были непредсказуемы, они могли никак не подействовать на рации и технику – или испортить только некоторую часть её. Вместо этого могли, например, сделать бензин в канистре негорючим. Либо оплавить всю изоляцию на проводах, оставив сам металл в полной сохранности. Либо превратить всю воду в радиусе сотни метров в холодный липкий пар. Раскалить камни, с хрустом выгнуть вековые деревья дугой и так далее...

Обычно через несколько секунд, в крайнем случае минут, воздействие прекращалось. Без следа, без возможности зафиксировать что-нибудь приборами, просто исчезало, оставляя необъяснимые разрушения. Как, за счет чего это достигалось – понять было не в наших силах.

Но даже проведя параллель между порталами и аномальными явлениями вокруг, в бою этот фактор мы стали учитывать далеко не сразу. Людям пришлось учиться на ходу, на тяжелых ошибках, оплаченных жизнями.

Орки, несмотря на всю варварскую тактику их войны, учились не в пример быстрее. Они отступали, перегруппировывались, меняли состав отрядов, выходящих на новый прорыв, чтобы максимально эффективно расправляться именно с теми родами войск, что мы могли выставить на конкретном участке.

Сначала они научились поджигать тяжелую технику издалека, из-за домов: тролли метко кидали огненные шары и огромные куски бетона через крыши, оставаясь при этом вне досягаемости. Затем они сбили один вертолет (может быть случайно), включив рядом с ним один из порталных камней. Электроника взбесилась, машина опустилась слишком низко и зацепила фонарный столб.

Вскоре вспышки порталов стали уже намеренно происходить одна за другой по всей линии фронта. И так же один за другим вертолеты, теряя управление, ломали лопасти об здания или просто падали наземь из-за отказа двигателя. Вскоре на поддержку с воздуха в черте города можно было не рассчитывать.

Отработав прием на вертолетах, орки развязали полномасштабную охоту за техникой. Пробираясь дворами и подвалами как можно ближе и активируя камни у нас под носом. А если это не удавалось, они издалека открывали огромные, «дальнобойные», составленные сразу из десятка камней, порталы.

Мы пытались противостоять, выставляли заградительные отряды, совершали рейды, но – теряли технику по всем направлениям, порой даже не понимая, откуда пришел удар. Отключалось электричество, горели микросхемы, глохли бронемшины, «слепли» танки. Это не мешало крошить врага огнем из пушек и пулеметов, но ждавшие своего часа тролли быстро и метко сжигали неподвижные цели.

Ну и главное понимание пришло, когда враг оттеснил людей от берега, всё-таки захватил вожаемый ряд многоэтажек на набережной. Оказалось, что составному portalу не обязательно быть цельным.

Как бы объяснить... Камни, вызывающие новых монстров, могли умножать своё действие. Достаточно расставить эти устройства более-менее равномерно на возвышении. К примеру, на крышах жилых высоток. И по окружности вспыхнет единая линза портала.

Изгиб канала, два участка новых улиц за рынком, водонапорная башня на западе и ряд девятиэтажек с противоположной стороны, за рекой, дали оркам идеальный круг площадью более трехсот гектаров. После чего вся сложная техника километров на десять вокруг вышла из строя, радиоэфир заполнил бесконечный белый шум, а все прочие виды связи отказали в радиусе до ста километров.

Когда портал накрыл высоты, целый район в мгновение ока перестал существовать. Вместо него открылся вид на скалистые пустоши, кишашие зеленокожими монстрами всех мастей. Тогда мы и поняли, что потеряли город окончательно.

Спустя почти сутки, когда к зоне бедствия полноценно подтянулись войска, а регион объявили карантинной зоной и взяли в кольцо, было предпринято еще несколько попыток отбить поселение. Но к этому времени орки окопались, чувствовали себя как дома. Каждый раз при начале нашей атаки орки задействовали свою магию, и это было видно невооруженным взглядом, поскольку ландшафт в низине регулярно менялся то на участок пустыни, то на заснеженное плато. Выпущенные по врагу ракеты и дальнобойные снаряды, проваливаясь в портал, взрывались в тех «подставных» мирах. Нанести урон издалека не удавалось.

На близкое расстояние тяжелое вооружение подойти не могло: у людей просто не оказалось техники, которая не боялась бы загадочных излучений. По той же причине не удалось толком использовать авиацию. Атаки пехотными штурмовыми группами были в этих условиях откровенной авантюрой.

Все, что нам оставалось, это при помощи артиллерии попытаться разбить основания зданий, обрушить их и повредить тем самым портал. Враг это понимал, а потому очень быстро укреплял дома многометровыми земляными валами, прикрывал с боков новыми порталными линзами.

Еще сутки спустя удары по городу внезапно прекратились. В чем причина – никто не знал. Слухи ходили самые разные, от самых радужных про мирный договор с пришельцами до самых мрачных про новые вторжения по всему миру и скорый крах человечества.

Самый распространенный слух гласил, что закончились боеприпасы, а вся артиллерия выведена из строя неизвестным оружием орков. Но совершенно точно, это было не так. Редкие рейды зеленокожих за пределы города всегда заканчивались нашим ударом из минометов и бегством выживших обратно за городскую черту.

Наконец, на третий день боевых бездействий в карантинную зону стали прибывать учёные. Они повели себя как-то очень странно. Вроде бы одному очень суетливому члену академии наук удалось убедить командование, что агрессия – это досадное недоразумение, вызванное неправильным первым контактом. Жаль, я при этом не присутствовал, рассказал бы им про первый контакт.

В общем, сводный отряд, состоявший из этого академика и ещё примерно тридцати всевозможных умников, от вполне официальных профессоров до совсем уже криптозоологов, уфологов и прочих «контактёров», не только пробилась в карантинную зону, но и уболтали военных допустить их до первой подтвержденной внеземной цивилизации – кладезя новых научных знаний.

Командование долго упиралось, потом от безысходности махнуло рукой. Вдруг получится? Группа переговорщиков по сложной научной технологии, с белым флагом и умиротворяющей музыкой, спустилась в долину.

Орки встретили гостей недоуменно. Подпустили поближе, потом так же спокойно и пафосно вышли навстречу. И без длительных церемоний разорвали на куски. После этого число желающих наладить контакт упало до нуля.

Оставшихся учёных быстро задвинули в тыл. Отфильтровали и вывезли в лагерь к остальным беженцам всех экстрасенсов и криптозоологов. Адекватных специалистов нагрузили работой по профилю. Специально для них организовали сбор разведчиками тел орков, их оружия и снаряжения, а также провели несколько попыток взять живьем «языка».

Две из них окончились успешно. Хотя первый гоблин был доставлен не военными, а привезен полупьяными жителями соседней деревни в кузове фермерского трактора. Мужики после вторжения провели трое суток на оккупированной территории, прячась на складе сель-

ского продуктового магазина. А когда водка закончилась – пошли на прорыв, круша всё живое на своём пути ломами, баграми, а также топором, веслом и альпенштоком.

Прорвались, можно сказать, успешно, потеряв по дороге всего одного товарища. Но вполне естественно, что взятый попутно в плен гоблин оказался очень уж сильно помят. Ему пытались оказать помощь армейские медики, но от этого он загнулся быстрее.

Второго живого врага, орка, обмотанного скотчем и закованного сразу двумя парами наручников, притащили откуда-то сами вояки. Помня судьбу предыдущего, обращались с ним довольно мягко. Может быть по этой причине зверюга на контакт не пошла.

Кончилось всё не лучше. Орк оказался «щелчком», при первой же возможности плюнул в лаборанта, сорвал оковы, вышиб решетку на окне кабинета и в два прыжка оказался у ворот. Там попытался откусить голову дневальному и благополучно сдох от очереди в упор. Только и пользы принёс, что патанатомы после вскрытия туши дали несколько дельных советов по эффективному умерщвлению подобных существ.

В общем, к концу недели обстановка в лагере была самая препоганая. Что происходит – никто не понимал, когда это закончится – тем боле. Все ждали дальнейшего развития событий. И тут вдруг нас, немногих выживших ополченцев, и так уже сотню раз допрошенных с пристрастием и без, возвратили из «лагеря временного размещения» обратно к военному городку.

У гражданских, которые именовали лагерь не иначе как «загоном», ситуация в тот момент была наиболее нервной. На «большую землю» нас не выпускали из соображений секретности. Из чего следовал вывод, что власти до сих пор не объявили миру ни про контакт, ни про конфликт. Опять-таки сплетни сообщали, что официально по телевизору рассказали об эпидемии, обосновав этим полный карантин.

Это были лишь слухи. Не имелось никакой возможности проверить их или передать «на волю» достоверную информацию – без телефона и интернета. Как я уже сказал, с самого начала вторжения не работал по всей области ни тот, ни другой.

Если честно, мне было не до разоблачений. Целыми днями я занимался тем, что трепал нервы любому, кто мог быть связан с командованием лагеря. Лез к каждому встречному и поперечному с просьбой выпустить меня ночью в город «на разведку». Мне казалось, что в темноте я обязательно смогу пробраться к дому, где, я верил, еще сидят и сходят с ума от ужаса Маринка и Вера.

Умные девчата, они наверняка спустились в погреб и ждут меня. Там можно наглухо запечататься и долго оставаться незамеченными. А еще там есть мощный запас «закаток» и «закруток», на котором большая семья могла бы протянуть целый месяц, а две худосочных девки – до следующего Нового года.

Любой другой вариант я просто гнал от себя и продолжал строить планы возвращения, вызывая раздражение всего армейского персонала в лагере. Настолько увлёкся, что поначалу даже не поверил, когда мне велели собираться.

На двух тонированных «Баргузинах» нас отвезли обратно на холм, в штаб войсковой группировки. Где еще раз допросили, особенно напирая на то, в каких частях города и как давно мы жили, как хорошо знаем окрестности, на каких участках местности наиболее свободно ориентируемся. После чего разделили на две группы по десятку человек в каждой и повели по отдельным палаткам.

– А долго нас еще будут здесь держать? – поинтересовался на ходу худосочный юноша в толстых очках, наверняка компьютерный гений или сельский учитель литературы. – У меня вещи остались в лагере без присмотра. Я не ел ещё с утра. Да и вообще, своих дел полно.

– Своих дел? – не оборачиваясь, переспросил сопровождавший нас офицер. – У тебя с башкой все в порядке?

– В каком смысле?

– В том самом. Тут как бы война, мужчина, если вы не заметили. Вы поступаете в распоряжение седьмой сводной бригады. Так что личные вещи вам пока не понадобятся, на складе получите все, что необходимо. С этого момента считайте себя мобилизованными.

Юноша смешно сморщил носик и выкрикнул:

– А если я не согласен? У меня официальная отсрочка для военкомата. Я по здоровью не могу быть мобилизован!

Офицер вроде бы отреагировал, даже шаг замедлил, но при этом не развернулся корпусом, а повернул назад одну только голову. Жутковато, словно сова. И с таким же, как у этих птиц, удивленным выражением лица.

– Во-первых. Твоего согласия никто не спрашивает. Твоя отсрочка кончилась. Идет война, вбей это себе в башку. Или ты идешь молча, получаешь задание и выполняешь свои персональные приказы, или отправляешься на единый мобилизационный пункт и ночуешь в окопе, а утром в первых рядах топаешь в атаку.

Офицер оглядел остальную группу.

– Во-вторых, это касается всех. Запоминайте. Сейчас инструктаж. Всё, что вы услышите – совершенно секретно. По завершении – доложите о прибытии своим непосредственным командирам и возвращаетесь ко мне. Идем, организовано получаем вещевое имущество. Голодных – он выразительно покосился на «учителя» – перед вылетом покормят. Есть вопросы?

– Есть, – сказал я. – А куда лететь-то?

Офицер смерил меня взглядом и хмыкнул.

– А, это ты, настырный. Угадай с одного раза.

– Да ладно?!

– Прохладно! Пять баллов за сообразительность. Пляши, ты всё-таки попадешь в город!

## 10. Штаб

Через небольшой брезентовый «предбанник» мы тихо-молча прошли в огромную штабную палатку. Внутри было сумеречно, тепло и сухо. Почти тихо, только гудел под стенкой небольшой генератор.

Повинуясь жесту сопровождавшего, мы расселись на незанятых раскладных стульях вдоль стен. Уже сидевшие здесь полтора десятка человек сопроводили наше появление пол оборотом головы и быстро вернулись к своим занятиям. А плотная группа в дальнем конце палатки, за столом у экрана с проектором, вообще никак не отреагировала на появление новых зрителей.

У самого конца стола человек в штатском демонстрировал широколампасным генералам подборку спутниковых фотоснимков. Он раскладывал их по столу и прикалывал канцелярскими булавками к листу ватмана так, чтобы сформировались очертания города. Или того, что от него осталось.

– Обратите внимание, вот здесь, здесь и здесь, – продолжал, не прервавшись с нашим появлением ни на секунду, человек в штатском. – Эти отвалы породы появились в течение последних суток. Здесь, в конце обводного канала, и здесь, на выходе к реке, построены дамбы. Здесь – наоборот, прорыты отводы, русло осушено, расширено и превращено в спуск к вот этому отверстию.

Докладчик оглянулся на солдата за клавиатурой, тот пощелкал по кнопкам – и на экране проектора схема высветилась целиком, так что увидеть ее смогли не только за столом, но и все присутствующие, включая нас.

В «президиуме» офицер в темно-зеленом камуфляже с двумя топориками на нашивке пододвинул к себе картонную папку и поднес к самому носу пачку аналогичных фотографий. Затем, обращаясь к остальным, развел руками.

– Это, я вам скажу, не молдаване штукатурили! Чтобы такое построить за месяц, нужно мою орду со всего округа согнать. Да и не уверен, что успели бы. – Он повернулся к докладчику. – Говоришь, за сутки? Голыми руками?

– Практически. Конечно, мы видим только происходящее на поверхности, а основная работа ведётся под землей. Только на выходах мы зафиксировали несколько единиц, предположительно, тяжелой строительной техники.

– Предположительно?

– Очень предположительно. Даже не можем сказать, какой это тип механизмов. Они от восьми до пятнадцати метров длиной, а высотой, предположительно, до трёх метров. Обводы округлые, на концах сужены, отдельных деталей и шасси различить не удалось. И это всё, что мы можем сказать о них на данный момент.

– Фотографии со спутника? Совсем нечеткие! – разглядывая свою папку, возмутился не старый, но почти седой генерал в синем кителе.

– Над городом постоянно висит порталное поле, – ответил ему с соседнего кресла другой генерал, со знаками различия войск связи. – Оно отражает видимый спектр и искажает другие волны во всех диапазонах. Мы пробовали и обычную съемку, и воздушную, и космическую. И фотокамерами, и инфракрасными излучателями, и даже ультразвуком. У вас те снимки, которые дают максимально возможную четкость, лучше просто нет.

– Ну есть же, в конце концов, разведка! Что, до сих пор не собрали данные? Не родили ни одной вменяемой версии?

– Даже приблизительной, – покачал головой связист. На дистанции помехи для визуальных и технических средств наблюдения очень сильные. Средства дальней разведки ничего не дают, потому что беспилотники мы теряем еще до того, как получим первые сведения.

– А людей туда послать?

– Категорически против! Мы зря потеряем разведчиков, – заявил с противоположной стороны стола мужчина в буро-зеленом полевом бушлате без знаков различия. – С начала операции из семнадцати заброшенных ДРГ две погибли еще на высадке, три – на марше. Вернулось девять, с остальными связи до сих пор нет.

– Что показали те, кто вернулся?

– Из них шесть групп даже не дошли до своих точек, были выявлены и отступили с потерями. Фактически, с задачей справились только группы Тардина и Краснова. Но за шесть часов, что они выбиралась из города, враг заново перерыл разведанный участок. Говоря откровенно, результат от такой разведки даже не нулевой – мы впустую гробим людей.

Возникшую паузу снова прервал докладчик.

– Таким образом, на сегодняшний день с уверенностью можно сказать лишь то, что они меняют ландшафт. Прокладывают под городом некие коммуникации и создают больше подземные резервуары, отсюда и отвал породы. Причем, работают мощными темпами, картина меняется каждые несколько часов.

Эксперт взял маркер и обвел на карте красными кругами пять-шесть нечетких пятен геометрически правильной формы.

– Здесь и здесь к существующим многоэтажным зданиям они навалили земляной холм. Кроме того, обрушили все дома по окружности и использовали как строительный материал для центрального объекта – вот тут, в форме башни.

Генералы принялись листать свои копии, разыскивая снимок башни.

– А какие предположения есть насчет целей строительства?

– Какие угодно. Пока тоже можем лишь гадать. Ангары, склады, производственные мощности, укрепрайон... Хотя это может быть ракетная шахта или стартовая площадка. Или мозговывжигатель.

Заметив недоумённые взгляды, он пояснил:

– Чтобы предположить, что именно они строят, нужно осознавать, какими технологиями они обладают. А мы на данный момент не можем объяснить принципов даже того вооружения, с которым имели дело.

В таких мрачных тонах заседание штаба продолжалось еще минут десять, прежде чем командование решило все-таки вспомнить о нашем присутствии. Хотя выражено это было весьма символически. Закончив обсуждение проблем, еще один человек в гражданском костюме, сидевший к нам спиной, ткнул пальцем в того коллегу, который ранее рассказывал о ситуации с разведкой.

– С учетом всего услышанного, Александр Анатольевич, считайте операцию официально одобренной. На вас возлагаем инструктаж, – он, не оборачиваясь, кивнул головой, как бы ткнул затылком в нашу сторону, – и общее руководство. На этом совещание закрыто, все свободны.

Генералы и полковники, собрав свои папки, продолжая вполголоса обсуждать друг с другом «учет услышанного», прошли на выход. Вояки рангом поменьше, сидевшие в палатке, под команду «Товарищи офицеры!» повскакивали с мест и вытянулись смиренно. Мы тоже инстинктивно вскочили, хотя какое к нам отношение имело все происходящее – по-прежнему мало понимали.

Александр Анатольевич дождался, пока высокие чины освободят помещение, и махнул нам рукой, подзывая к столу. Поскольку в ситуацию мы уже успели в целом вникнуть, дальнейшие разъяснения не заняли много времени.

Напрямую он нам этого, разумеется, не сказал, но по всему увиденному и так было понятно, что пребывали наши вояки в глубокой... как бы помягче выразиться? – патовой ситуации. Они не были готовы к такой странной войне, к столкновению с таким необычным про-

тивником. Прimitивные зеленые человечки с дикарскими тесаками сломили лучшие военные разработки человечества, сделали бесполезными новейшие виды вооружения.

Единственным эффективным средством борьбы с ними на данный момент был дуболомный пехотный штурм, позволявший на первых порах истреблять врагов сотнями. Пока у штурмовиков не подойдут к концу боеприпасы или орки-снайперы не выбьют самых опасных стрелков топорами. После чего неизбежно последует молниеносная контратака и резня уже в рядах наступающих. Никакие понесенные потери, по всей видимости, ничуть орков не волновали.

Не помогла даже откровенная демонстрация бессильной злобы: крылатая ракета с ядерным зарядом, выпущенная по городу накануне под величайшим секретом. О котором, естественно, все узнали еще до пуска, а уверились – как только в «загон» прибыли инструкторы по ГОиЧС с лекциями. К вечеру дети бегали по улицам с криками: «Вспышка справа! Вспышка слева!», – а некоторые взрослые даже поперлись на холм – посмотреть «как она жажнет».

Ракета просто сгнула на подлёте, исчезнув с экранов радаров. По версии наших всезнающих диванных экспертов из лагеря, электронная начинка сгорела от воздействия всё тех же неведомых вспышек на портале, после чего неуправляемая ракета упала в одном из подставных миров, которые нам попеременно демонстрировали орки. Никому не известно, взорвалась ли она, поскольку оркам хватало соображения тщательно следить за небом и «переключать канал» на порталах после каждой замеченной атаки.

Был предложен еще один безумный вариант: тактическая бомбардировка неуправляемыми ракетами по периметру портала. Но тут разум победил панику, осознав, что враги слишком уж полны неожиданностей. К примеру, последние новости о масштабных подземных работах могли означать, что они обладают гораздо более высоким уровнем технических знаний, чем казалось при первом контакте. К чему приведет очередной необдуманный шаг со стороны людей – предсказать невозможно. А просто так, безотчётно давать в руки врагу еще несколько ядерных бомб никто не решился. Вариант благополучно свернули.

И придумали нечто иное.

– Портал не сплошной, – объяснял нам генерал неизвестных войск. – Иначе орки не могли бы выходить оттуда для отражения наших атак и потом возвращаться под его защиту. Особо тщательно защищены те участки, с которых мы могли бы нанести удар по основанию линзы. Но в других местах периметр едва охраняется, несколько наших разведывательных групп смогли свободно проникнуть в город и затем выбраться обратно.

Проектор вывел на белую доску другую карту города, Александр Анатольевич нарисовал на ней маркером несколько полос-маршрутов.

– По данным разведки, противник сейчас занят укреплением основ под устройствами, создающими поле. Через несколько дней опоры большого портала станут неприступными. Наш единственный шанс – обрушить их сейчас, сколько еще возможно.

Проектор наложил на карту спутниковые снимки.

– Вот. Как минимум три опоры портала все еще представляют собой обычные высотные здания. А вот на этих точках работы только-только начаты. Состояние вот этой группы зданий – неизвестно. Всего таких опор более сорока, заведомо укрепленные в расчет не берем.

Генерал повернулся к нам.

– Ваша задача в этой операции – ключевая. В город будут заброшены группы спецназа. Для солдат это неизвестная местность, разведанные по которой напрочь отсутствуют. Средства навигации не работают, включая даже элементарные компасы. Есть карты, но территория сильно перекопана, картам она не соответствует. Ну а главное, там повсюду порталы, черт ногу сломит, где и что за ними спрятано. Ориентироваться на месте сейчас сможет только хорошо знакомый с городом человек.

Он поднял палец и ткнул им – я через разделявший нас стол почти ощутил давление.

– Не думайте, что мы не пробовали другие способы, не искали варианты. Но сейчас на нас давит не только угроза оттуда (он указал большим пальцем за спину, в сторону города). На нас с еще большей силой давит еще и оттуда (последовал аналогичный жест пальцем вверх, к потолку). Грёбаное мировое сообщество.

– А ему то какое дело до наших проблем? – не удержался я.

– А ему, сынок, до всего и всегда есть дело. Особенно если у соседа неприятности, на которых можно руки нагреть. В нашем случае, они догадываются, что неприятности очень большие. У нас над головами сейчас спутников столько, что аж здесь слышно, как они друг об друга лязгают.

– Нам спутники не сильно помогли.

– На это вся надежда, – кивнул генерал. – Бог знает, что им удалось выяснить, а что нет. Раз официальных нот не направлено и в ООН никто ботинком по трибуне не стучит – значит, у них информации не больше нашего. Они лишь уверены, что мы локализовали ситуацию и хотим скрыть событие и пользоваться его плодами единолично.

– А мы что, так сильно хотим? Я эти плоды видел, пусть забирают себе с горкой!

– Вот да, таких плодов не жалко! – поддержал меня еще один беженец.

– Мозги включите! – посуровел Александр Анатольевич. – Вы видели их потенциал? Вы видели, каким оружием они обладают? Который день длится контакт, а мы даже параметров этого оружия зафиксировать не можем, только визуальные описания! И все, все наши технологии там ложатся! Можем ли мы допустить к этой информации потенциального противника?

Мы пожали плечами. Нам все эти мутные игры были, что свинье апельсины.

– Ну неужели ж вы думаете, что к нам действительно побегут помощь оказывать? Первое, что сюда завезут, будет техника для сканирования и разведки. Потом, как по нотам, случится какие-нибудь ЧП и от нас потребуют передачи операции под международный контроль.

Тут он наклонился и понизил голос.

– Кроме того, с точки зрения военной безопасности страны, никогда нельзя сбрасывать со счетов возможность прямого удара, если соседи сочтут наше положение достаточно тяжелым. Поэтому мы отбрёхиваемся, как можем. С каждым днем делать это всё труднее.

Генерал протянул руку к стулу, на спинке которого висел камуфляжный бурый бушлат, повернул один из рукавов и продемонстрировал всем нашивку национальной гвардии.

– Чтобы максимально долго водить любимых коллег за нос, мы, по большому счету, не должны даже привлекать к этой операции вооруженные силы. Стягивать армию в глубине своей территории – это признать факт войны. А официальная версия – масштабное ЧП техногенного характера. По этой причине оцепление формирует гвардия и войска РХБЗ, а спасатели и полиция имитируют бурную деятельность.

– Поэтому артиллерия прекратила огонь по городу?

– В том числе, да. Как только мы зафиксировали переброску в наш сектор технических средств контроля и активность резидентуры, стали вести себя максимально близко к легенде.

– Это что же получается, – я был, мягко говоря, в шоке, – Нет за нами никаких армейских резервов? Если орки пойдут в атаку, их нечем будет остановить?

– Ты только не описайся от паники. Тут вроде люди тоже не без ума сидят. Во-первых, в соседней республике проходят внезапные масштабные учения. Под этим соусом мы успели стянуть достаточно сил и средств еще до того, как разошлась информация о ЧП. Так что вблизи города можем держать и технику, и артиллерию. Во-вторых, задействованы все запасы местных частей. В третьих, у нацгвардии тоже разного добра хватает. Наконец, прочие резервы потихоньку стягиваются и формируются, только без суеты и максимально скрытно.

– Ну вы прям успокоили. – Я постарался вложить в голос максимум сарказма. – А то уж страшно было, что мы для страны последняя надежда.

Генерал задержал на мне свой очень серьезный и грустный взгляд.

– Наш спецназ, и в первую очередь разведка, понесли большие потери. Мы не можем их восполнить, не привлекая внимания. Как на духу, лично я бы в жизни не разрешил включать таких как вы в наши группы. Но в Управлении сил спецопераций решили иначе.

Он показал пальцем на проекцию города над столом.

– Мы вынуждены привлечь именно вас. Вы все – местные жители, знаете интересные нас участки города, ориентируетесь на них даже в полностью разрушенном состоянии. Более того, вы уже имеете опыт боевых столкновений с противником. Поэтому будете выступить в роли проводников и консультантов.

Последовала пауза, которую никто не рискнул нарушать.

– Да, еще одно. Сейчас я должен бы еще сказать, что это смертельно опасное предприятие, поэтому пойдут только добровольцы. Но совершенно уверен, никто из вас не откажется.

Юноша в очках издал было какой-то звук, но наткнулся на взгляд генерала – и промолчал.

## 11. Ангар

Вывезли нас из армейского лагеря на грузовике, который внешне походил на старую ржавую вахтовку. Или на тот раздолбанный КУНГ, в котором во время срочной службы мы катались по части со связистами.

Внутри фургон оказался неожиданно комфортным, вместительным, с чуть прохладным кондиционированным воздухом. Судя по толщине двери, он был еще и неплохо бронирован. Наружных заляпанных грязью стекол (и классической фанерки вместо одной из форточек) изнутри не существовало вообще, салон был чистым и светлым – за счет трех мощных светодиодных плафонов. Забираясь внутрь, каждый из нас цокал языком, присвистывал или издавал какой-нибудь еще характерный звук из-за удивления, настолько внутреннее убранство не соответствовало жалкому внешнему виду машины.

Из-за отсутствия стёкол мы понятия не имели, куда нас везут. А везли долго. Повинуясь усталости и напутствию провожавшего офицера, все устроились поудобнее и успели полноценно поспать в мягких креслах.

По моим прикидкам, фургон должен был уже добраться до границ области. Как минимум, покинуть карантинную зону и еще около часа катить вдаль. Свериться было не с чем, перед выездом у нас собрали не только часы, а вообще почти все личные вещи, пообещав отдать в целости после возвращения.

Когда волнение от очередных непоняток стало почти нестерпимым, машина сбросила скорость, встала раз, потом медленно двинулась вперед, постояла еще немного, опять тронулась, несколько раз повернула, сдала задом и остановилась окончательно.

Мы оказались в ангаре, внутри которого размещался еще один ангар, меньшего размера. Внешний был огромным, бетонно-железным, здесь мог бы поместиться большой авиалайнер, а то и не один. Повсюду сновали машины и солдаты, но из-за масштабных размеров помещение все равно казалось пустоватым.

Внутреннее строение на поверку оказалось легкой надувной конструкцией, в каких сейчас устраивают передвижные выставки, спортивные соревнования и летние ледовые площадки. Через дверь-клапан, куда рычащий компрессор непрерывно подавал воздух, мы вошли внутрь.

– Здравия желаю, товарищи бойцы! – радостным зычным басом обратился к нам высокий мужчина в камуфляже светло-песочного цвета. – Добро пожаловать в закрома Родины! Проходите, будем знакомиться!

Мы поприветствовали его в ответ, затем подошли ближе и пожали руки группе других солдат. Их внешность меня немного разочаровала, потому что ждал я встречи с сотрудниками Сил спецопераций, представляя их очень внушительными, гипертрофированно «раскачанными» атлетами. Нас встречала совершенно разношерстная команда, от пузатеньких дяденек лет под 50 до совершенных мальчишек с рябыми прыщавыми лицами, ну никак не укладывавшихся в представление о спецназе. Я напомнил сам себе, что и в нашем призыве «вербовщики» отбирали в разведку и спецвойска именно таких срочников, совершенно обычных мальчишек. Но всё равно разочарование рассеялось не сразу.

Пока нас пересчитывали, переписывали и в очередной раз анкетировали, появилось время оглядеть территорию. Она была поделена на относительно небольшие, метров по десять шириной, секции, отгороженные стенами из светлого пластика. За перегородками сновали люди, что-то искрило, кто-то кричал в телефонную трубку, кто-то таскал из двери в дверь тюки и ящики.

Ближе всего, в противоположном углу нашей же комнаты, стояли два ряда складных кресел и три стола, сдвинутые в одну линию, заставленные картонными коробками. На каждой красовались цифры, выведенные от руки черным маркером: 37, 39, 42... Три солдата сидели

за этими столами и заполняли длинные бланки. Наша небольшая орда, закончив входные формальности, по команде басовитого офицера двинулась к столам.

– Слушайте все внимательно, чтобы не тратить время на повторение. По очереди подходите к пункту выдачи. Называете фамилию, личный номер, размер. Получаете комплект. Переодеваетесь и проходите вон в те двери, на следующий этап экипировки.

– Прямо тут переодеваемся? – раздалось из рядов.

– Гардеробов, простите, не завезли. Предупреждаю вопрос «можно ли остаться в своём?» – нет! В такие поездки лучше сразу всё чистое надевать. Чтобы потом с переодеванием не возиться.

Часть группы, видимо, привычная к подобному юмору, заулыбалась. «Добровольцы» же, судя по лицам, шутку не восприняли.

– Держитесь бодрей, военные, чего носы повесили? – спросил старший, заметив это. – Когда еще сподобитесь настоящим мужским делом заняться? А мы вас сейчас под эту историю так упакуем, что никакой чёрт не будет страшен. Правда, профессор?

«Профессором» оказался еще один офицер в аналогичном песочном камуфляже. По внешности или по одежде судить о достоверности «научного звания» было трудно.

– Обязательно, – отозвался он. – Заодно буду показывать, как чем пользоваться. Старайтесь запоминать, тонкостей много.

Сначала каждому записавшемуся выдавали термобельё, с виду совсем обычное, только с медными клеммами на некоторых швах. Затем полагался комплект, напоминавший по стилю плотный, но не сильно обтягивающий спортивный костюм. Тут Профессор вмешался и пояснил, что костюм на самом деле не обычный, а поддерживающий, контролирующий температуру тела. Его материя соткана из целого набора «умных» нитей. К примеру, каждая пятая нить пропитана антисептиком. Также ткань способна выполнять роль жгута или давящей повязки, самоутягиваться при контакте с кровью – на случай ранения.

Вопросы на тему, не придушит ли такая рубашечка, если в ней как следует вспотеть, наш лектор проигнорировал. Вместо это велел каптёрам забрать у нас ботинки вместе с носками и выдать вместо них нечто мягкое, приятное на ощупь сверху и чуть более плотное по подошве. Оказалось, это особая разработка для спецподразделений – с гидрофобной тканью. Используется как носки, не натирает, выводит пот и сохраняет ноги в тепле.

В таком виде, без обуви, мы гурьбой протопали в соседнее помещение, где нашли три точно таких же стола, заставленных коробками. Только каптёры на этот раз были в летах, погоны имели прапорщиков, а на поясе у каждого отливала чёрным пистолетная кобура.

– Снова одёжка? – удивился рыжий «ополченец», знакомый мне по бою на городской набережной. – Не могли, что ли, всё в одной комнате выдать?

– Не могли. Это не одёжка, а специзделие 9Б-76. Те, кто снабжает нас нательным бельём, не имеют права даже видеть такие вещи – у них допуска нет.

Профессор подошел к столу и вынул из коробки комплект полевой камуфляжки. Стандартные на вид штаны и куртка, ткань издали похожа на обычный дешёвый рипстоп. В таком сейчас кто только не ходит, начиная от простых рыбаков.

– Костюм штурмовой демисезонный. Нет, это не «пэ-ша» и не китайская синтетика, – заявил Профессор, услышав перешёптывания. – Отечественная разработка. Ткань многослойная, пыле-влагозащитная, термоизоляционная. Собственно, такая ткань – основа всей экипировки боевого комплекта «Латник».

– Наверное, «Ратник»?

– Наверное, я знаю, что говорю! «Ратник» – это общевойсковая модель, про которую знает каждый дурак. В ней собираются новые, но уже обкатанные технологии. В общем, «Ратник» нужен, чтобы снабжать армию и отвлекать на себя внимание СМИ и шпионов. А «Лат-

ник» – это перспективная модель, совершенно секретная. Каждый костюм является эксклюзивным, уникальным изделием и по всем параметрам превосходит... старшего брата.

Профессор сдвинул коробку с изображением красного совёнка на чёрном фоне, расстелил костюм на столе. Вынул из-за спины нож, которого раньше я, ей-богу, не замечал, и со всей силы ударил. Стол загудел. Профессор аж цыкнул из-за неосторожно отбитого о гарду пальца. Убрал нож обратно за спину и продемонстрировал нам совершенно целую штанину.

– Арמידная непрессованная ткань верхнего слоя защитит бойца от любого холодного оружия. Даже удар топором скорее сломает кость, чем прорвёт этот материал. То же касается выстрелов из большинства видов лёгких вооружений.

– Толку-то, с переломанными костями?

– Дальше у нас еще будет разговор про элементы бронирования, чтобы и кости защитить. Хотя, по-хорошему, боец должен иметь не только экипировку, но и мозги. Не подставляйтесь, прикрывайте друг друга в бою – и кости останутся целыми.

Тут же, без паузы, от продолжил:

– Вся экипировка «Латника» строится на «умных» тканях, которые обгорят вас в холод, остудят в жару, поддержат в усталости, подлечат при ранении. А также скроют ваши тела от инфракрасных и радиолокационных средств обнаружения, замаскируют ваш запах от поисковых собак. К примеру, вот эти ботинки с циркуляцией замкнутого цикла, на марше даже при тяжелых нагрузках остаются прохладными и сухими – внутри и снаружи. А композитная подошва может защитить даже от подрыва на противопехотной мине.

– Вот нам к чему всё это? Мы не на минное поле, а на диких ящериц собираемся.

– Зрение этих ящериц смещено в красную часть спектра. Ночью видят хуже, чем днём, страдают куриной слепотой. Зато различают сотни оттенков красного и инфракрасного, поэтому свечение вашей тёплой кожи увидят за сотню метров. А в этом костюме вы станете заметны им максимум в десяти шагах.

Он бросил штаны обратно в коробку.

– Мы не знаем, какие еще свойства есть у врага, с чем вам предстоит столкнуться. Может быть, их нос способен к радиолокации или уши чувствуют ультразвук? Поэтому одевайтесь и благодарите судьбу, что мы можем вам предложить обмундирование со свойствами круче стелс-самолетов. Я буду только рад, если вам это не пригодится.

Мы выстроились в очередь, чтобы получить и напялить на себя это чудо ткацкого мастерства. Один из ополченцев тут же подшутил над приятелем, убедив надеть брюки назад шириной: «Сам посмотри, это же клапан, чтобы в бою по нужде ходить, не раздеваясь». По рядам прокатился дружный гогот.

А мне пришлось повозиться с застежкой ботинок: я такие видел впервые и никак не мог сообразить, как затянуть упругий металлизированный шнурок. Прапорщик заметил мои потуги и, наклонившись, молча повернул пластиковый диск на берце. Шнур сам втянулся внутрь и обувь села на ногу, как влитая.

Пока все облачались, первый из офицеров, поглядывая на часы, продолжал подбадривать нас армейским юмором.

– Расписываться в ведомостях не забываем. Вернуть после рейда вы обязаны всё до последней пуговки, поэтому терять по дороге части тела категорически запрещаю. А если решите погибнуть, то сначала обязаны прибыть на склад и сдать всё по ведомости! Иначе наш Профессор применит спиритические технологии, вызовет вас с того света и накажет за халатность!

Что интересно, эта чепуха действительно вызывала у нас в тот момент улыбки.

– Элементы персональной боевой защиты 9Б-74 включают бронешлем. – Профессор в следующей комнате сразу начал рассказ, не дожидаясь даже, пока все войдут. – Это облегченная модель, весит меньше килограмма, поскольку мы удалили из неё всё электронное оборудо-

дование. Оставили только налобный фонарь, он работает на сменных химических элементах. Надеемся, хоть они-то в городе будут действовать.

Он повыше поднял шлем, сразу вызвавший у меня ассоциацию с маской инопланетного охотника из популярного кинофильма.

– Шлем комплектуется защитным стеклом и маской с дыхательным аппаратом. Аппарат мы на всякий случай оставили, хотя работа в агрессивных химических средах у вас не предвидится. Стекло покрыто многослойной осветляющей плёнкой, так что видеть вы будете в темноте гораздо лучше. И помните, что поднятое стекло или отстегнутая маска резко повышают вашу заметность для орков. Старайтесь снимать шлем только в крайних случаях.

– А что он странный такой, весь в клеточку?

– Это еще одна защитная система. Экспериментальное маскирующее покрытие подстраивается под цвет окружающей среды. А в активном режиме – полностью имитирует.

– Это как?

– Это значит, что стоящий на фоне леса боец станет зеленого оттенка, а при включении специального алгоритмического устройства враг увидит вместо человека ветки деревьев.

– Дайте мне с собой пару пузырей, я и так стану зеленого оттенка, без всякого костюма. А прибор этот ваш один чёрт сгорит по дороге.

В толпе заржали.

– Шутите? Это хорошо, значит настрой боевой. Питание маскировочного прибора малоточное, активируется за счет теплоты тела бойца. Извлекать его из устройства долго и бессмысленно, это не просто электрифицированная краска, а серьезная нанотехнология. Сгорит, так сгорит, выключите и не пользуйтесь.

В том же духе разговор шел и при выдаче бронекостюмов, которые оказались аж трех модификаций: базовый, облегченный разведки, усиленный штурмовой. Раздача шла по каким-то особым спискам. Те ребята, что прибыли на склад отдельно от нас, уже знали свои роли, поэтому быстро разобрали легкие и усиленные модели. Все «проводники-консультанты» получили базовый вариант, а на реплики недовольства (кто-то жаловался на усталость и хотел броню полегче, кто-то наоборот, желал защититься по-максимуму) услышали довольно недружелюбный совет: во время вылазки на рожон не лезть, сидеть под прикрытием товарищей, они обо всём позаботятся. И вообще, не надо соваться со своим пониманием мира в распорядок спецназа.

– А что он весь чешуёй какой-то обклеен? – решил сменить тему один из ополченцев. – Если думаете, нас орки со своими перепутают, так бесполезно. У них чешуйки мелкие, а тут как будто из старой крышки нарезали.

– Это последняя разработка, лепестковые твёрдожидкостные бронепластины. Только на днях с завода, их специально дорабатывали под известные параметры оружия орков. Еще ни разу не испытывали в боевых условиях, так что рассчитываем на ваше подробное описание по возвращении.

– Что за чудо такое – твёрдожидкостные?

– Это умная контейнерная броня с мягкой и лёгкой, как резина, почти жидкой сердцевиной. При попадании пули или, скажем, орочьего топора сердцевина кристаллизуется и становится прочнее кевлара. При разрушении выбрасывает энергию навстречу снаряду, останавливая и отбрасывая его.

– Похоже на активную броню у танка.

– Каждый из вас в этих доспехах будет сам себе танк. А с тем оружием, что ждет вас чуть дальше, – еще и гаубица!

Упоминание оружия привнесло в отряд резвости. Мужики же, что еще сказать. Через полминуты все были по уши в броне и столпились у следующего стола.

– Это что? Протезы что ли? – недоуменно спросил всё тот же рыжий.

– Почти. Это бионическая вспомогательная штурмовая система «Шива»

– Чего?

– Механические руки. Тоже разработка нашей «оборонки».

Я уже разглядел логотип, закрепленный на одном из узлов. Как и на многих других изделиях, там значилось «ЦНИИТОЧМАШ».

– Руки крепятся на экзоскелет, подключаются к круглым или ромбовидным мышцам спины и к персональному компьютеру «Латника». Могут выполнять несложную тяжёлую работу, например носить стрелковое вооружение. А также самостоятельно вести прикрывающий огонь по тем целям, которые боец укажет визором в шлеме или лазером в своём основном оружии.

Я присвистнул, рядом то же сделали ещё человек пять.

– Не рассчитывайте, «Шиву» на этот раз вы не получите.

– Это почему же? Знатная ведь штука!

– Во-первых, надо не один месяц учиться управлять ей с помощью спины. Это посложнее, чем инвалиду с обычным биопротезом. Перепутаешь жесты и железная рука вместо перезарядки пулемёта отлупит тебя прикладом. Во-вторых, здесь куча электроники, которую надо совмещать с экзоскелетом. В вашем рейде от неё – нулевая польза.

– Чего ты про скелетов-то говоришь? – выкрикнул седой пухлый мужичок. – Я боюсь скелетов!

Отряд заржал в полном составе.

– Экзоскелет вам не потребуется по той же причине: в нем масса электроники. Мы хотели выдать одну из устаревших моделей, гидравлическую. Но разведанные говорят, что гидравлику технологии пришельцев рвут в клочья, как и электронику. И в целом анализ поведения орков показывает, что для вашей задачи важнее мобильность, а не грузоподъемность.

– Тогда зачем сюда притащили? Подразнить или похвастаться?

– Мы «тащили» всё подряд, времени на сортировку не было. Но ничего, найден компромисс. Вместо стандартных вы получите экспериментальные защитные модули 9Б-012 для рук, ног, бёдер. Вместе они – не просто композитные бронепластины, а усиливающий комплект. Соединяется с рамой рюкзака в полужесткий каркас. Не экзоскелет, конечно, но нагрузку на бойца снижает процентов на тридцать. Каждый сможет без напряжения нести по 50 килограммов экипировки, не считая костюма и оружия.

Мы всё равно опечалились, словно мальчишки, которым не удастся побегать в костюмах супергероев. Зато потом не раз помянули Профессора добрым словом. Впервые – уже через пять минут, как только дело дошло до сбора рюкзаков и заполнения разгрузочных жилетов.

Сухпай космонавта – целая коробка тюбиков с едой, растертой до консистенции зубной пасты. С комментарием, что упаковка предохраняет еду от проникающего излучения (если оно в городе всё-таки есть), а питательный состав хоть и мерзок на вкус, зато аппетита не будит и усваивается на 100 %. «Тарелки с ложками не нужны. И на таком рационе вам двое суток большому не захочется. Время сэкономите и следов после себя не будете оставлять», – заявил наш консультант, вызвав в ответ серию пошлых шуток и новые приступы гогота.

Мультидул, химическая горелка-примус, фляга с водой, встроенная прямо в каркас рюкзака. Компактный обратно-осмотический аппарат очистки воды с мускульным приводом (один на троих). Обеззараживающие таблетки – на случай, если аппарат выйдет из строя. Простейшая УКВ-станция с динамо-машиной вместо батареек и резервный источник питания на пьезоэлементе к ней. Фонари с химическими источниками свечения, коврик, плащ, спальный мешок, сухое химическое топливо.

Аптечка содержала упаковки, на которых я даже название лекарств прочитать не смог. Хорошо хоть, специально для олухов всё дублировалось крупными простыми надписями:

«Перевязочный материал», «Противошоковое», «Антирад-09». Некоторые, типа «Пластырь микроинъекционный» или баллон «Десмургия» всё же остались для меня загадкой.

В общем, набились и обвешались мы всякой всячиной под завязку. И выглядели теперь, отмечу, весьма специфически. Мотоциклисты в матово-бурой чешуе, местами оттененной камуфляжной тканью. Космодесант из дешевого фантастического боевика.

– Ну и орлы, просто жуть! – радостно пробасил «песочный» офицер, отходивший на некоторое время в боковую дверь и пропустивший по этой причине некоторые этапы нашего перевоплощения. – Вы бы себя видели!

– Нравится? – ревниво уточнил Профессор.

– Да не то слово! Кто их в тёмной подворотне встретит, сразу же и помрёт. От острой дизентерии!

– Вы только на такой эффект от нас рассчитываете? Или нам оружие всё-таки дадут?

Офицер ткнул кулаком в плечо говорившего «робота».

– Ай, молодец, уже рвётся в бой! Сними пока шлем, успеешь ещё наиграться. Дадут вам оружие, не сомневайтесь. Как раз время, только что выгрузку закончили. Прошу всех за мной!

Оружия там было – не приведи господь.

Перед оружейной комнатой нас снова разделили по номерам, сообразно роли в отряде, и каждую группу подводили к своему столу. В результате тех образцов, что нас не касались, даже посмотреть не дали. А издали было видно, что на железных стойках в других концах комнаты одних только автоматов и пистолетов висит под тридцать разновидностей, а то и больше.

Отдельно были свалены ящики с карабинами и ручными пулеметами. А еще дальше стояли штабеля с совсем уж экзотическим вооружением, центральное место среди которых занимали разномастные тубусы ракетометов. Видимо, вооружение сюда тоже свозили всё подряд. На всякий, как говорится, случай.

И вот, при всём этом великолепии, наши столы украшал до обидного скудный ассортимент. Ой, да ладно, не было никакого ассортимента, каждый получил совершенно одинаковый комплект из трёх стволов. Пистолет-пулемёт для ближнего боя, автомат калибром побольше и короткий зеленый тубус с двумя запасными выстрелами к нему. Ах, да, и еще по две ручных гранаты и целому ящику патронов.

Ящик был тоже «специзделием» и крепился к низу рюкзака, превращаясь в дополнительный элемент бронирования для самой нежной части туловища. Хорошо продуманный, он давал возможность легко и не глядя, просто протянув назад левую руку, выщелкнуть один из десяти магазинов с остроконечными патронами 7,62 к автомату.

Правая рука точно так же могла одним движением добыть обойму округлых пистолетных патронов девятого калибра. Итого, выходило по 300 патронов на брата к каждому виду оружия. Достаточно, чтобы устроить небольшой геноцид, но и весило всё это – что б мы делали без Профессора и его игрушек?

– Отряд, становись! – пророкотал под сводом знакомый бас, едва мы успели закинуть сильно потяжелевшие рюкзаки на плечи.

Под резвый топот, без всяких там «Равняйся – смирно» офицер огорошил:

– Времени совершенно не осталось, потому что заказ на погоду выполнен с опережением. Тучи уже на подходе, так что у вас всего десять минут на покурить, оправиться и поцеловать на прощанье мамочку. Кого мамочка не провожает, можете сразу топтать к этим воротам и получать назначение в группу на вылет.

– Как вылет? Мы что, полетим? – пухлый мужичок, боявшийся скелетов, теперь выглядел по-настоящему испуганным.

– А как же ты думал, родной мой? На велосипеде поехать?

Демонстративно посмотрев на часы, командир пресек дальнейшие расспросы.

– Осталось девять минут! Ждать никого не будем! Вольно, разойдись!

## 12. Транспорт

Тому, кто разрабатывал эту операцию, нужно отдать должное. Продумано и логически обосновано было всё до мелочей. Вот бы еще орки об этом знали и поддавались человеческой логике...

До тех пор, пока речь шла о нашей территории, всё шло относительно благополучно. Мы быстро сделали все свои важные незаконченные дела, узнали у последних ворот комплекса личные позывные, разделились на группы по секретным спискам (которые нам даже не показали, вахтенный просто тыкал пальцем, к какой группе примкнуть). И пошли грузиться в самолет.

Вернее, это мы думали, что нас ждёт самолет. Когда ворота открылись, мы увидели тёмного пузатого монстра, покачивающегося на привязи толстых стальных тросов.

– Что? Дерихабль?

Кажется, профессиональные бойцы спецназа были изумлены не меньше нашего.

– А что, ребята, – поинтересовался я у группы, к которой был приписан, – доводилось летать на таком?

– Неа, – ответил мне самый крупный, с самым большим рюкзаком за спиной. – Слышал пару раз, что есть такой, а вот вижу – впервые.

Он протянул мне ладонь.

– Вадим.

– Вася.

Загружаясь на борт, я так же наспех познакомился с некоторыми членами отряда. Оказалось, что формирование группы проходило еще быстрее, чем наша «мобилизация». Например, из оказавшихся рядом со мной бойцов ССН только двое были между собой знакомы: командир группы Андрей и один из снайперов служили раньше в одном подразделении. Еще двое оказались вообще не армейскими.

Первый, Артём, прибыл в карантинную зону с группой спецназа ФСИН для эвакуации местных исправительных колоний. С ним у меня отношения почему-то сразу не заладились, хотя причину я назвать не берусь даже сейчас, спустя время. Это нечто подспудное, неприязнь с первого взгляда. Он начал знакомство с того, что отпустил в мой адрес несколько язвительных шуточек, а я еще со школы такие тупые «проверки на вшивость» проходить не умел. После очередной подколки вспылил, в результате Андрею пришлось довольно резко нас обоих осадить.

Второго не-спецназовца, сапёра Вадима, старлея областного ОМОНа, включили в группу в последний момент по двум причинам. Он был родом из нашего городка и прилично ориентировался на местности, хотя проживал уже несколько лет в другом районе. Кроме того, он имел большой опыт командировок в самые разные «горячие точки», причем непосредственно к местам боевых действий и непосредственно по основной специальности. По его словам, на спор мог бы подорвать танк пачкой макарон.

Вадим оказался нормальным компанейским парнем, а еще – большим ценителем оружия во всех его видах. Поэтому, загружаясь в тесный коридор гондолы, я успел узнать, что выданные нам патроны марки 7Н-31 – особая разработка с бронебойной пулей, в упор пробивают сантиметровой лист стали. Что автоматы наши оснащены коллиматорными прицелами, а карабины снайперов – просветленной оптикой, позволяющей глубокой ночью спокойно попадать во врага на расстоянии в полкилометра.

Еще он объяснил мне необычный вид всего выданного нам оружия. Когда я пожаловался, что не смог опознать ни один из образцов, Вадим объяснил, что меня сбивают с толку новейшие

глушители с функцией подавления тепловой сигнатуры. Что еще за сигнатура, я решил не спрашивать, но Вадиму вопросы в этой теме были ни к чему.

– Стволы с рассеивателями, очень быстро остывают, свечение не заметно приборами ночного видения. Или глазам орков, в нашем случае. Глушители стоят на всём, кроме арбалетов штурмовиков.

Да, о складных арбалетах (я их и не видел даже) он тоже всё знал. Бойцы, которым в отряде отведена роль прямого контакта с противником, должны быть до последнего невидимы и бесшумны, поэтому и вооружены, кроме прочего, метательным устройством с металлической струной вместо тетивы. Запас стрел невелик, но достаточен для гарантированного тихого снятия десятка-другого часовых.

Стрелы специально для этой операции изготовлены легкие, композитные, с булатными насечками на наконечниках. Такие гарантированно пробивают толстую кожу гоблина и с высокой вероятностью – шкуру орка на 100 метрах дистанции.

За бортом слышались быстрые короткие команды, корабль вздрогнул и оторвался от земли. Я напрягся, потому что не очень люблю перелеты. Мягко говоря. А вот Вадим, кажется, вообще ничего не заметил и продолжал в деталях излагать мне, какими замечательными винтовками «упакованы» наши снайперские пары.

Ну правда, для меня весь этот поток информации был настолько лишним и малоинтересным, учитывая ситуацию в целом и наше в ней положение в частности...

– Слушай, а что это за посудина? – перебил я. – Тоже экспериментальная? Она летать-то хоть может, или её наш Профессор по дороге сюда изобрел и на 3D-принтере распечатал?

Вадим расхохотался. Он вообще оказался очень смешливым, да и сам любил, как позже выяснилось, задорную шутку и свежий анекдот.

– Нет, это ты не думай. Это монстр проверенный. Лётные испытания прошел под кодом «Проект Туча», на вооружение принят уже с другим названием. Не знаю, каким, он же совершенно секретный. Говорят, его за последние полтора года в реальных условиях всего два раза применяли, чтобы не засветить.

– Да кому он нужен? Это же не истребитель, не ракета. Шарик воздушный.

– Ты смеёшься? Он же стелс! Он весь, полностью построен из керамики, экранов и композитов. Его не видит ни один радар в мире, а на спутниковых снимках он выглядит, как туча. Понимаешь?

– Нет. За каким фиггом нужен дирижабль, почему не скинуть нас с самолета?

– Ну как же? С большой высоты самолет сразу отследят, а с малой он под зенитный огонь попадает. А в нашем случае, просто рухнет вниз вместе с десантом. На этой штуке мы пристраиваемся к атмосферному фронту и незаметно пробираемся куда угодно.

– Погоди-ка. Что значит, пристроимся за фронтом? Там на отправке командир говорил что-то про заказ на погоду и про тучи. Он что имел ввиду? Под эту тушу искусственно создали атмосферный фронт?

– Теперь понимаешь масштаб идеи? Какие мощные технологии совместили? В одном месте реагентом облака сушат, в другом наоборот, испарители ставят, что-то где-то облучают – в результате мы имеем грозу там, где захотим! И можем в хвосте грозы хоть куда, хоть на Пентагон приземлиться!

Его здорово завело, глаза горели в азарте.

– Я тут кое-что читал на досуге. Так вот, по проекту у нас скорость до 250 километров в час! Втрое больше, чем было раньше у любого корабля такого типа! И помешать может только лобовой ветер. Так что для тайной десантной операции – идеальный вариант.

Дирижабль тряхнуло, где-то совсем недалеко пророкотал раскат грома. Я поёжился.

– Ну и что дальше? Подлетим мы к городу в тучах. Сверху всё прикрыто порталом, высаживаться надо на окраине. Орки не ночные звери, но ведь и не слепые же? Они такую тушу над землёй сразу заметят, нашу высадку будет встречать почётный караул.

– Какую еще высадку? Вас что, еще не проинструктировали?

– Нет, когда? Ты же сам рядом был всё время, как нас привезли.

– А ведь правда. Ну значит, прямо сейчас будут инструктировать, перед прыжком. Ты десантной системой «Лепесток» когда-нибудь пользовался?

– Перед каким прыжком? Ты издеваешься? Я высоты боюсь, парашюта в руках никогда не держал!

– Не-не-не! Это тебе не парашют! Это десантная система дальнего сброса, шестое поколение! Нас выкинут километров за 50 от города, а то и 80. Мы будем планировать до точки сбора, поэтому никакой случайный орк нас не увидит и отследить не сможет!

Вадим улыбался во все зубы. Я непроизвольно уцепился пальцами за лавочку.

– Это как в кино? В костюмах белки-летяги?

– Нет, в кино брехня! – уверенно заявил Вадим. – Боевая нагрузка на костюмы летяги невозможна. Даже если небольшой рюкзак плюс автомат – скорость снижения растёт пропорционально, на каждый килограмм. Спланируешь так, что убьёшься насмерть.

– Ну тогда я вообще не понимаю, о чем речь?

– Это такое крыло. Их шьёт у нас только институт парашютостроения. Перспективный планирующий безмоторный аппарат. С высоты всего четыре километра может спустить на дистанцию до 100 километров. Как раз, что нам нужно. В устройстве нет ни электроники, ни механики, но при этом точность приземления ювелирная, даже для новичков – разброс минимальный. И позволяет брать с собой экипировки до центнера. Короче, наша тема, тебе понравится!

Я хотел было высказаться в непечатных выражениях о том, как подобные новости могут понравиться человеку, ни разу не прыгавшему даже с обычным парашютом. Но тут под потолком замигала лампочка, из переднего помещения вышли двое солдат и начали раздавать всем спецназовцам парашютные рюкзаки. Я понял, что Вадим не только говорил без шуток, но ещё и был абсолютно прав.

Андрей, командир группы, в которую я входил в роли проводника, ловко накинул на живот зеленую сумку с множеством лямок и громким, отработанным командирским голосом потребовал внимания. Когда разговоры стихли, он объявил, что сейчас подробно проинструктирует о правилах пользования системой десантирования «Лепесток».

### 13. Подлесок

Приложился я при посадке так, что лягнул зубами и в шее, кажется, что-то хрустнуло. Не удержал ноги ровно, как было велено, вот и нырнул рыбкой на землю. Хорошо, что после этого сумел быстро вскочить и погасить купол, а подпружиненные стропы сами справились с быстрой уборкой ткани обратно в сумку.

Особенно обидно было видеть, что так опростоволосился только я. Один за другим остальные бойцы опускались с небес и, как мне казалось, очень ловко и аккуратно касались земли. Если кто и не удерживался на ногах, то носом в пыль не валился, а вскакивал бодро. И наверняка с улыбкой, которую я не мог увидеть за стеклом шлема.

Да, о простоте парашюта я бы поспорил. Но в чём был прав весёлый сапёр Вадим, так это в точности, которой можно было добиться при посадке. Просто повторяя все движения впереди идущего командира, я сумел приземлиться в паре десятков метров от него.

Еще в воздухе мне удалось сориентироваться на местности по некоторым хорошо знакомым объектам. Получалось, что нас, дав большой крюк в обход города, перебросили на самую южную границу захваченных орками земель. И выбросили примерно в 30–40 километрах от городской черты. Дирижабль, не снижая хода, полетел к месту десантирования очередной группы, а мы тихо спланировали к поляне, располагавшейся, по моим прикидкам, километрах в десяти от злополучного кладбища, с которого всё началось.

Полная диверсионно-разведывательная группа оказалась неожиданно большой. Пока мы прятали в укромном месте «Лепестки» и получали от командира первые задания, я насчитал 12 человек. Из них, прикинув по обычной бумажной карте направление на город, первые четверо выдвинулись сразу, не дождавшись даже окончания инструктажа. Маскировочная краска быстро адаптировалась к новой цветовой гамме, бронекостюмы из темно-фиолетовых стали почти черными и авангард пропал из вида раньше, чем достиг края поляны.

– Вася, Вадим, Коля – со мной, мы выдвигаемся вторым звеном. – Андрей указывал пальцем на каждого, кого называл. – Остальные замыкают. Артём, ты за старшего!

– Есть! – ответил один из совершенно одинаковых «роботов».

– Связь у нас только визуальная, поэтому дистанция вдвое короче. Не отставайте! – напомнил Андрей.

Мы выдвинулись. Три спеца-профессионала и я, Вася, сержант запаса. Идти предстояло, на глазок, не менее двух часов. А скорее, поболее трех, потому что шли мы не по трассе, а вдоль нее. Не по ровному удобному асфальту, а обочиной. Гроза постепенно уходила в сторону, всё чаще в небе проглядывала полная луна, а при ней с дороги нас даже ночью и во всём камуфляже было бы видно издалека. А так, продвигались медленнее, зато более-менее скрытно.

Ровно через десять минут Андрей приказал остановиться и стал чего-то ждать. Впереди шевельнулась тень и пару раз моргнул фонарик. Командир дважды сдвинул пьезоэлемент на своем ручном фонарике, давая ответный сигнал. Затем повернулся назад и просигналил замыкающим, получил от них такой же безмолвный ответ. Третье звено нашей ДРГ вышло следом за нами на таком же удалении, как и мы от первого.

– Попробуем ускориться, – предложил Андрей, поднимая забрало шлема. – Впереди чисто, можно чуть поднажать. Чем быстрее доберемся до места, тем больше времени будет на выполнение основного задания. Если орки на пути появятся, разведка маякнёт.

Я тоже поднял стекло.

– Фууф, насколько легче дышать! Всё-таки надо иногда разработчиков всего этого железа заставлять самих в нём побегать.

– Я думаю, можно пока так пойти. Пока орки не появятся.

Первый час марша меня еще потряхивал нервный мандраж. То и дело тянуло на дурацкие разговоры. Пофантазировать, как мы будем биться против всей гигантской армии монстров.

Помимо уже знакомых (то есть меня, командира и Вадима-сапёра), в отряд входили представители широкого круга военных «специальностей». В первом звене двигалась снайперская пара, штурмовик и биолог. Он же химик и он же специалист по радиационной защите.

Как и Вадим, он тоже был не вполне спецназовцем: в прошлом служил в оперативной части РХБЗ, но последние несколько лет работал на самой что ни на есть гражданской должности замдиректора зоопарка. Как и я, химик был уроженцем этого городка, приезжал сюда из областного центра каждые выходные. Его включили в группу сразу по двум причинам: и как проводника, и для сбора специфической информации о противнике.

Можно сказать, что я был в группе его дублёром, а не он моим, ибо от него пользы изучении повадок орочьего отродья было объективно больше. И в авангард его поставили как более опытного бойца.

Двигавшийся с нами во втором звене Николай был экипирован и вооружен совершенно так же, как и мы с химиком. Поэтому я сначала принял его за еще одного проводника, который должен, по идее, вести замыкающую группу.

Но вскоре в разговоре выяснилось, что Коля – полноценный спецназовец, с богатым боевым опытом и узкой специализацией. Он – парамедик, полевой врач с уклоном в травматологию, экстренную хирургию и реанимацию. Поэтому никакого специфического оружия не носит, всё свободное место в рюкзаке занимают те медицинские изделия, которые нельзя положить в обычную аптечку каждому бойцу. В том числе, легкие спицы и шины, хирургический инструментарий и даже набор новеньких дисковых пил для работы с костью: одна с ручным приводом и вторая, побольше, на питании от пьезоэлементов. Почему-то ученые считали, что эта технология будет работать даже в зоне таинственного излучения порталов.

Ну и, наконец, третье звено включало в себя вторую пару снайперов, которые должны были контролировать тыл и и прикрывать нас, сердцевицу отряда. А с ними шли еще два штурмовика, которые защищали и прикрывали снайперов. Вот и весь личный состав.

Тут нужно отметить, что специализация в отряде была достаточно условная. Подготовка и опыт у большинства были богатые. Поэтому, не считая совсем уж узких специалистов, каждый мог подменить напарника, исполнив роль и снайпера, и штурмовика, и сапёра.

Признаться, я думал, что опытные спецы в отряде будут тяготиться мной: отчитывать за нерасторопность и морщиться от любой неловкости. Но ребята оказались нормальными, вполне компанейскими. Никак не показали своей элитности и превосходства.

Ожидаемые мной поучения с их стороны свелись к тому, что Андрей на ходу спросил, ходил ли я в разведку и знаю ли язык глухонемых. Я ответил честно. Он опечалился и приказал тогда запомнить всего три вещи. Если покажет кулак – я замру как парализованный. Если ткнёт пальцем – медленно и осторожно иду в ту сторону, в которую показали. Если, не дай бог, махнет рукой – то же самое, но бегом во всю прыть.

Вот, собственно, и весь боевой инструктаж.

## 14. Шоссе

– ...Да, и был этот капитан жутко вредным и злопамятным. Очень он любил бойцов отчитывать. Хлебом не корми, дай учинить проверку, найти нарушение и наорать перед строем.

– О, знаю такой типаж, у нас в части тоже был один похожий. А себя считал образцом дисциплины, разумеется.

– Ага, ну разумеется. И особенно любил он следить за соблюдением режима радиообмена. Бывало, сядет в своё дежурство на вахте, сделает рацию погромче и слушает эфир. Бдит, чтобы все посты с точностью до секунды на связь выходили, чтобы все сигналы и отзвывы четко по приказу, чтобы посторонних разговоров, ни дай бог, никто не вёл. И утром докладывает на разводе командиру обо всех нарушениях.

– Что ж, ему никто в тыкву ни разу не сунул?

– Знаешь, никто. Он же вроде больших проблем никому не создавал, мелко пакостил. Ну ему и отвечали тем же. Выйдут, к примеру, в эфир, и шепчут: «Курдюк – лох! Курдюк – лошара!» Тот аж взвизгнет. Хватает микрофон, кричит: «Кто это сказал?» А ему тот же шепот: «Так все говорят!»

– Вот черти!

– Ага. Ну и потом, кстати, с его подачи полное сканирование и запись переговоров ввели. Все рабочие частоты фиксировали.

– Да ладно?

– Да. А ещё он, уже когда в полковники выбился, продвинул у нас внедрение автоматической системы распознавания голоса.

– Вот ведь злопамятный!

– Это да. Но сколько мы с её помощью потом злодеев ущучили! Первые в стране применили технологию, до этого по каждому случаю надо было отдельную экспертизу заказывать.

– Выходит, и от дурачков злобных тоже польза бывает?

– Выходит, что так!

Увлеченный потешными рассказами Вадима, я не только вовремя не заметил поднятый вверх кулак, но еще и налетел на Андрея. За что получил неплохой тычок локтем в подреберье. Командир смерил меня и, в равной степени, Вадима недовольным взглядом – и захлопнул стекло шлема.

Оказывается, мы едва не напоролась на гоблинов.

Трое из них, пыхтя и громко порывкая друг на друга, волокли через дорогу большую темную тушу. Андрей вскинул к лицу автомат и, глядя в прицел, пояснил: тащат дохлую корову. Ну правильно, при такой силище жрать они должны много, вот и грабят захваченные территории.

О противнике нас заблаговременно предупредил с помощью фонарика авангард, но заметил это только Андрей. Убедившись, что гоблины на нас не реагируют и занимаются своим делом, он для начала скомандовал привал, рассчитывая немного передохнуть и заодно переждать угрозу. Вступать в бой и выдать себя было бы глупо.

Однако и через те десять минут, которые мы могли себе позволить на отдых, монстры всё ещё продолжали возиться на трассе. С организованностью и дисциплинкой у них были явные нелады, каждый тянул тушу в свою сторону, а недовольство выражал, бросая ношу и яростно скаля зубы.

Тогда мы решили углубиться в лесопосадку и попросту обойти мародеров. Андрей помигал фонариком, получил короткую вспышку-подтверждение в ответ, указал нам направление движения. Пригибаясь, стараясь даже не шуршать в ночной тишине, мы пошли между дере-

вьями. И уже там, пробираясь вдоль оврага на расстоянии всего-то ста метров от дороги, во все глаза наблюдая за гоблинами, мы нос к носу столкнулись с парой орков.

Что они делали ночью в зарослях, почему шли отдельно от сородичей, зачем спрятались в овраге – да кто его знает? Просто одна из коряг перед носом зашевелилась, я от неожиданности оступился, хрустнув веткой. И вот уже мы смотрим друг на друга в упор.

Он среагировал быстро, но неправильно. Ухватился рукой за топор. Впрочем, я-то не среагировал вообще никак, не успел. Щелчок, шлепок – и орк начал оседать на задницу, обрызгав меня зеленым и вонючим из дырки на месте правого глаза. Да, бывалый сапёр Вадим реагировал в таких ситуациях гораздо лучше меня.

После первого выстрела выяснилось, что еще один орк стоял неподвижно рядом, всего метрах в десяти. К счастью, он тоже не видел нас до последнего. К несчастью, мы его не видели тоже.

Орк повернулся на шум падающего тела и что-то гавкнул. Андрей снял его быстро, как и Вадим первого, но гоблины на трассе услышали голос сородича. Оставив коровью тушу, они припали к земле.

Стоявший в середине, чуть ближе к нам, негромко прорычал. Не дождавшись ответа, рыкнул погромче. Поняв, что отзыва на свой голос не услышит, оскалился и тряхнул мордой. Повинуясь этому жесту, двое других гоблинов достали из ножен свои тесаки и нехотя двинулись в нашу сторону.

– Если отойдем – найдут своих – поднимут тревогу! – решил Андрей и поднял автомат.

Гоблинам не дали пройти и половины дистанции. Сначала стрела легла самому ближайшему четко в переносицу, и сразу же снайперская пара нашего авангарда дружным залпом успокоила двух остальных.

Вернее... С третьим, который до последнего не хотел оставлять тушу и в момент выстрела как раз спускался на обочину, нескладно вышло. Снайпер не промахнулся, пуля вошла в висок, и упал гoblin так же, как и остальные. Но в придорожной канаве его не было видно и стрелок не мог проконтролировать успех своего выстрела. Некоторое время спустя гoblin очнулся, вскочил на ноги и заорал во все горло.

Визг был противный, на границе с ультразвуком, его прервал еще один шлепок в голову. В ответ из-за холма донесся другой звук. Вой – не вой, то ли тьяканье, то ли скрежет... Достаточно громко, хотя и достаточно далеко.

– Всё дело загубим! – разозлился Андрей и побежал к дороге.

Мы бросились за ним, туда же подтянулись разведчики. И до до появления новой группы зеленокожих мы вместе кое-как успели стащить зеленые трупы на обочину.

Отряд врага скакал прямо на нас по середине автострады. Как обычно, в открытую, даже не пытаясь маскироваться или держаться канав. Они чувствовали себя здесь полновластными хозяевами, эти три орка и с десятков гоблинов. Мы к их появлению даже не успели отойти обратно в лес, а лежали прямо у дороги, в канаве за жиденькими кустами.

Зеленокожие остановились и рассыпались цепью. Всего метрах в двадцати от нашего укрытия. Самый крупный орк в рогатом шлеме затыкал, ища позвавших на подмогу сородичей. Ответа не последовало, и отряд медленно, припадая к земле, двинулся дальше.

Корова. Тушу коровы мы утащить с трассы не смогли. Разумеется, она сразу же привлекла внимание гоблинов. Не настолько же они тупы, чтобы не заметить рядом с ней лужу зеленой вонючей крови?

Последовав примеру товарищей, я взял оружие наизготовку, поставил переключатель огня в режим коротких очередей и выцелил ближайшего гоблина. Мне Андрей определил мишени по правому краю, остальные следили по другим секторам. Снайперы страховали, не приближаясь. Каждая секунда молотом стучала в висках.

Когда до коровьей туши оставалось шагов десять, старший орк замер, принюхался. Задрал рыло и повторил свой лающий клич. И на этот раз до него донесся ответ. Из-за лесопосадки на противоположной стороне дороги ветер донес глухой рассерженный рев.

Орк отдал команду, а одного из гоблинов, который вознамерился все-таки подойти к лакомому мясу, награбил пинком. Зеленокожие ловко попрыгали с асфальта на обочину и ломанулись прямо через кусты. Стоило им отдалиться, мы так же быстро, в полуприсяде, побежали в противоположную сторону.

Уже там, расположившись среди деревьев, мы увидели вторую группу орков, голов тридцать, пробежавшую по следам первой. Они постоянно перекрикивались, поэтому не теряли друг друга и свернули в лесок, даже не дойдя до коровьей туши.

Андрей откинул защитную маску шлема и разложил на коленях запаянную в тонкий полиэтилен карту местности.

– Так, Василий, смотри сюда. Мы здесь?

Я с бумажными картами не очень дружу, поэтому несколько секунд крутил в руках планшетку, соотнося чертеж со знакомыми мне ориентирами на местности.

– Да. Наверное даже вот здесь, перед развилкой.

– Плохо. До фабрики еще три километра. До кладбища – пять. Запас времени пока остаётся, но лезут они как раз с той стороны. Слишком рано мы себя обнаружили. Если разберутся, тревогу все-таки поднимут, то быстро заполонят все окрестности. Начнут полноценно всё прочёсывать, тогда наша задача крайне усложнится.

– Какого черта они тут вообще делают? – спросил Коля. – Я думал, они все под куполом в городе сидят.

– Хороший вопрос. Не тебе одному это интересно.

Он почему-то улыбнулся и подмигнул мне.

– Вспоминай, местный, какие здесь есть еще пути к фабрике, чтобы не скакать напролом через овраги? По трассе мы двигаться дальше не можем, слишком людно.

Я еще раз сверился с картой.

– Ну да, есть пара дорожек. Меня дед-грибник сюда таскал с собой. А на фабрике мы пацанами после школы в войнушку играли. Только... – я поглядел на командира. – Нам ведь на фабрику не нужно совсем?

Андрей молчал.

– Если наша цель здесь, – я ткнул пальцем в помеченный красным квадрат севернее кладбища, – то отсюда мы можем сразу пойти правее, через дачи. Это будет медленнее, чем по трассе, потому что в полях грязь. Но все равно сэкономим пару километров. И на кладбище среди ночи заходить не придется.

Николай хмыкнул над ухом.

– Ты что, мертвецов боишься? После всего этого, – он кивнул головой в сторону дороги, – живых бояться надо.

Андрей не дал мне ничего ответить, потянул карту к себе и оценил предложенный маршрут.

– Нет, это не пойдет. Город – не единственная наша цель. Разведку очень интересуют вот эти руины. Нигде в окрестностях орки так не кучкуются, как здесь. Есть предположение, что у них тут или запасной штаб, или другой ключевой узел.

Я с сомнением поглядел на точку, в которую упирался палец.

– Глупо. Там сплошные заброшенные ангары, нет ни одного более-менее высокого здания. Они не смогли бы защищать такой важный объект в этом месте.

– Наши основные силы стоят на той стороне от города, здесь не атакуют. Поэтому для них и угрозы особой нет.

– Погоди-ка! Так это же цеха, из которых первые гоблины в тот день полезли. Может быть, в этом все и дело?

– Может. А может и нет.

– Но там вроде бы летуны на следующий день бомбили от души.

– Да, вроде бомбили. Хотя может и не там, а может – от души мало было. Точно известно, что орки там сейчас просто кишат. И под прикрытие портала, совершенно верно, не прячутся. Причина неизвестна. Нам поставлена задача прояснить это, при необходимости провести диверсию.

Я помрачнел.

– А в город – только потом?

– Да, именно так.

– Что за игры? Почему раньше об этом не сказал?

– Внимательнее надо инструктажи слушать. Да и вообще, быть понаблюдательнее. Если не заметил, нас специально выбросили первыми из всех групп, и амуниции у нас больше, чем у всех.

– Это я заметил, но при чем здесь...

– При том, что мы тащим с собой сразу два фугаса.

Я с опаской глянул на собственный рюкзак, хотя собирал его лично.

– Нет, всю взрывчатку несут Вадим с Колей.

– Ага, из-за этого ты и тащишь половину моей снаряги, – радостно подтвердил Вадим. – Так что смотри, не потеряйся, там мои тёплые носочки!

Андрей быстро пресек мою попытку огрызнуться, посмотрел на часы и скомандовал:

– Всё, привал окончен. Показывай дорогу, Вася. Двигаем к фабрике.

## 15. Фабрика

– ...И вот, на следующий вечер этот дурачок решил опять свои шаолиньские фокусы продемонстрировать. Подкрался снова к часовому.

– Первого раза мало показалось?

– Да ты слушай дальше. Часовой оказался из новеньких, в лицо его не знал. И когда этот у-шун недоделанный выпрыгнул, ефрейтор реально перепугался и автомат на него наставил.

– Пальнул?

– Нет, но палец под скобу сунул. Наш выпендрёжник, значит, как обычно. Ногой рожок из автомата выбил. А парень с испуга шаг назад сделал, вот он по затвору и промахнулся.

– А патрон в стволе?

– Ну конечно. И спуск потянул. Главное, попал так точнѐханько! Прямо чиркнул самым кончиком. Даже начмед из полка приезжал, не поленился. Говорит, медкомиссий на своём веку провёл – дивизион сформировать можно, но такого чистого обрезания никогда в жизни не видел.

Мы ржали, а довольный произведенным эффектом Вадим лыбился. Только Андрей был серьёзен и мрачен, и вскоре велел всем заткнуться и соблюдать тишину. Передовая группа всё чаще подавала сигналы тревоги, становилось опасно.

К полуночи небо снова затянуло облаками и луна скрылась, оставив землю в темноте и почти полной тишине. Для меня, привыкшего к электрическому освещению и несмолкаемому фоновому шуму города, это было необычно. Вернулся нервный мандраж, и я с трудом убеждал себя, что зубы стучат просто от мерзкой холодной ночной сырости, проникающей даже внутрь суперумного и суперкомфортного, но тяжелого как рыцарский доспех костюма.

С другой стороны, темнота сыграла нам на руку, позволив пробраться к самым стенам старой фабрики незаметно для оркских отрядов и заслонов. Которые и впрямь лезли изо всех щелей, словно тараканы из-под гнилого плинтуса.

Маршрут я проложил быстро, вспомнив старую дорогу к водонапорной башне, по которой еще школьником частенько ходил за город на рыбалку. Удивительно, за прошедшие годы я, оказывается, не забыл даже укромные места, где прятал удочки, если на следующий день хотел вернуться сюда снова.

Офицер, проводивший инструктаж перед вылетом, уверенно заявлял, что авиация неоднократно «в профилактических целях» отутюжила здесь все доступные для бомбометания объекты, в том числе и развалины старой фабрики. Я себе представлял это, как черные груды битого кирпича, выжженные до грунтовых вод. А оказалось, что фабрика не слишком-то пострадала и кишмя кишит зеленокожими.

Чтобы пройти, не подняв тревогу, убить пришлось только одного. Гоблин рылся на обломках вагона-бытовки у проходной, пытаясь вытащить из-под хлама кровать с панцирной сеткой. Мы вполне могли напороться на него в темноте, если бы, разгребая завал, он не грохотал на всю округу, топая по рваным листам жести.

Отправив авангард дальше к кладбищу, а арьергард – к обочине раскисшей старой дороги, чтобы могли нас подстраховать в случае отхода, мы сами выдвинулись вперед. Нашли укрытие метрах в двадцати от проходной и залегли. Командир оглядел местность в бинокль, внимательно осмотрел проходную и кивнул Коле.

– Мимо него не пройдем, заметит.

Тот молча исчез в темноте. Через минуту возня на мусорной куче стала тише, а затем и вовсе смолкла. По команде мы двинулись вперед. Гоблина нигде не было видно, Николай встретил нас, вытирая куском грязной ветоши широкое лезвие ножа.

– Показывай! – шепнул мне Андрей.

– Так, значит: там котельная, там склад, но он давно рухнул. Вон там ангары, все пустые. А там была дирекция. Есть еще цеха дальше, за складом, в отдельной секции. Перед ними – еще один забор, со своей проходной. Пройти можно или через дыры в заборе, или по трубам, которые идут с крыши котельной. Но это плохой вариант.

– Почему? Они большие, на них никто не смотрит.

– А если посмотрит? Мы там как мишени будем, ни убежать, ни спрятаться.

Командир принял информацию к сведению, но решение сразу принимать не стал. Распределив объекты, группа рассыпалась и приступила к осмотру. Меня Андрей оставил при себе, не обольщаясь насчет навыков ночной разведки. И без того гоблины шныряли тут и там, поэтому мне приходилось всё больше сидеть в темных углах или прятаться за грудками кирпича, чем передвигаться.

Страховал меня при этом Сергей Петрович, замдиректора зоопарка. Его с собой специально взял Андрей, прежде чем выдвинуться к фабрике. Как закончил совещание с первым звеном, так и сказал:

– Сергей Петрович, вы пойдёте с нами. Там может быть кое-что ценное для вас.

– Ну пойдёте, Андрей Сергеевич, – так же официально отозвался наш химик, ожидаемо вызвав удивление командира.

– Мы знакомы?

– Опосредованно. Я... Ммммм, скажем так, консультировал ваш рейд в Каракумах.

– Платинота?

– Он самый.

Они пожали друг другу руки, словно вновь познакомились.

– Платинота – итальянская фамилия? – спросил я по дороге к фабрике.

– Это не фамилия, это позывной.

– Почему такой? Вы там что, в пустыне платину добывали?

Андрей неожиданно хохотнул, но ответом еще больше меня запутал.

– Нет, платины там не было. Что можно найти в пустыне, кроме хвоста от ящерицы?

Сергей Петрович ухмыльнулся, но пообещал:

– Как-нибудь потом, когда всё это кончится, мы встретимся в баре на Болтушке, и расскажу вам, о каком хвосте речь.

Ничего примечательного в ближней части фабрики мы не нашли. Десятка три-четыре зеленокожих бродили без видимой цели по руинам. Ковырялись в хламе, постоянно переругивались и даже дрались, отвечивали друг другу тяжелые оплеухи, до крови кусаясь.

Периодически через двор пробегали дозорные группы, типа тех, с которыми мы столкнулись по дороге. Иногда они (или другие похожие) возвращались с тушей животного или мятой бочкой, автомобильным креслом или сорванной с петель деревянной калиткой. Один гoblin на наших глазах притащил сильно изуродованное человеческое тело и понес его вглубь строений, к цехам.

Примерно через полчаса, безрезультатно обшарив весь двор, мы лежали на краю крыши котельной. Ожидали запаздывающего Вадима и тихо спорили, стоит ли терять время на осмотр дальней части фабрики, где орков шныряло еще больше. Порталов по-прежнему нигде не было видно, Коля дежурно осматривал в прицел подходы к зданию. Остальные пытались разглядеть, что происходит там, за стеной, в самом дальнем участке.

Там явно происходило нечто интересное. Не считая уже самого факта, что двор просто кишел гоблинами и орками, в одном из уцелевших зданий к тому же горел свет. Но не тот, что даёт электрическая лампочка, а с интенсивным голубым отливом, мерцающий, с равными по времени плавными переходами к фиолетовому.

Николай напрягся, изготовился к стрельбе. Вблизи котельной прошуршало, через минуту наш бравый сапёр почти бесшумно вполз на крышу, подтянувшись через дыру в потолке. С собой он притащил трофеи: пару метательных топоров орков и автомат Калашникова.

– Топоры так себе, ничего особенного. Только легкие очень. Похоже на кость. Но твердый как сталь, а по весу и на ощупь – точно кость.

– А калаш?

– А не поверите, у гоблина забрал.

Андрей недовольно покосился в его сторону.

– Кажется, был приказ – передвигаться скрытно и не вступать в контакт с противником!

– Да не, какой контакт? Эта обезьяна сама себе полбашки снесла. Причем, уже давненько. Лежит окоченевший там. Кстати, выстрел мы не слышали, значит, совсем давно.

– Ясно. Автомат оставь здесь, он только мешает. И всех касается: без самодеятельности. Не собой рискуете, всей группой. Я уж молчу, что там у нас и страна под угрозой.

Коля оторвался от своей оптики и позвал:

– Мужики, гляньте, там какие-то новенькие. Мы таких еще не видели!

Все приникли к окулярам. Цех по-прежнему светился, однако ничего особенного видно не было. Потом в оконном проеме показалась тень. Фигура мелькнула и исчезла, но что она не оркская – сомнений не возникло.

Существо было высоким, метров двух, но при этом очень худым. Никаких широких вывернутых плеч, большой крепкой башки. Вместо этого – плавное заострение, чуть качнувшееся в одном движении с телом, прежде чем исчезнуть.

– Все это видели? – риторически спросил Андрей.

Сомнения отпали, лезть в промзону всё-таки придётся.

– Слушай приказ. Наша цель – светящийся цех. Через двор пройти шансов нет, обходить всю территорию снаружи слишком долго, а мы уже и так потеряли чертову кучу времени. Идём по трубам.

Он ткнул пальцем в нашего медика.

– Коля, ты и Плат остаётесь здесь, прикрываете. Вась, идёшь первым, показываешь, какими вы тут путями лазили. Вадим, будь готов быстро поставить заряд. Если засветимся, то все без команды ближайшим путем валите отсюда. В этом случае встречаемся через полчаса у ворот кладбища.

– Я против, – заявил Платинота. – Там явно новый вид пришельца. Я должен его увидеть вблизи.

– Мы постараемся его тебе принести.

– Мне не нужен дохлый, мне надо посмотреть в естественных условиях. Теория моя подтверждается, поэтому – обязательно.

Андрей пожал плечами.

– Мы не можем оставить здесь одного бойца.

– Да что я, маленький? – Коля показно обиделся. – Прикрыть смогу, а меня первое звено с дороги прикрывает. Идите уже.

Командир был вынужден согласиться. Он оглядел еще раз территорию в прицел и решил, что момент подходящий.

– Вперед!

Я привстал, накинул ремень автомата на шею и еще раз поблагодарил тучи за полную темноту. Нам предстояло проползти почти двести метров по обмотанным стеклотканью трубам над самыми головами отъявленных убийц.

## 16. Промзона

До первой стены мы прошли в полный рост и без всяких проблем. Костюмы быстро адаптировались к ситуации: посерели и порыжели в тон грязной обмотки и многолетней ржавчины. Орков поблизости оказалось немного, мы спокойно шагали, больше тревожась оступиться и упасть с высоты, чем привлечь внимание.

На пересечении с толстым кирпичным забором я снова попытался убедить Андрея спуститься вниз и продолжить движение по земле. Но он опять отверг предложение, указав на свору волков у поваленного козлового крана. Да, пожалуй, в случае тревоги убежать от них понизу будет мало шансов.

Мы пошли дальше и неподалёку от ворот первого цеха столкнулись с первыми трудностями. Там, где трубы изгибались безумным узлом, выпуская несколько «веток» потоньше, ругалась целая куча зеленокожих. Это были обычные гоблины, которым пришлось бы задрать голову, чтобы нас заметить, и всё же на лбу у меня выступил пот. Хорошо хоть, с ними не было тролля, он увидел бы нас, вообще не поднимая носа.

Повинуясь инстинкту самосохранения, мы пригнулись и медленно миновали опасный участок. Еще через десяток метров пришлось передвигаться и вовсе ползком, потому что развалины второго цеха, который стоял к нам тыльной стороной и, по моим прикидкам, опасности не представлял, оказались обитаемыми. Там в хлам с грохотом и ворчанием рылся свиноволк.

У этих монстров – на редкость чуткие уши. Или обоняние? Не знаю, но как-то он нас почуял. Задрал морду, уставился на трубы (наверное, каждому из нас в этот момент казалось, что смотрит тварь именно на него) и зарычал.

Незамедлительно на этот звук откуда ни возьмись выскочил гоблин-погонщик. Проследив за взглядом зверюги, он несколько секунд тоже пялился в небо. Так ничего и не различив, зашипел, наградил животное смачной оплеухой и бесцеремонно схватил ладонью за ухо, заставляя идти за ним.

Следующий цех снова располагался воротами к нам, и там стояла новая группа орков. Как назло, в облаках показался просвет, мы едва не вылезли на самое видное место. Пришлось ждать, пока луна снова скроется.

Первоначальный адреналиновый азарт у меня как раз к этому моменту прошел и сменился мелкой дробью зубов. Я не порывался ползти назад только потому, что позади было не менее опасно, чем впереди. Мы почти добрались, проще было спрыгнуть на землю да найти пролом в заборе, чем возвращаться к котельной.

У следующего цеха трубы в последний раз изгибались. Две самых толстых уходили вертикально вниз, в землю, остальные упирались в стену. Закуток был глухой, пустой, поэтому можно было выдохнуть, расслабиться и даже встать в полный рост – тогда одно из двух узких вентиляционных окон, светящихся голубым, оказывалось как раз на уровне глаз.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.